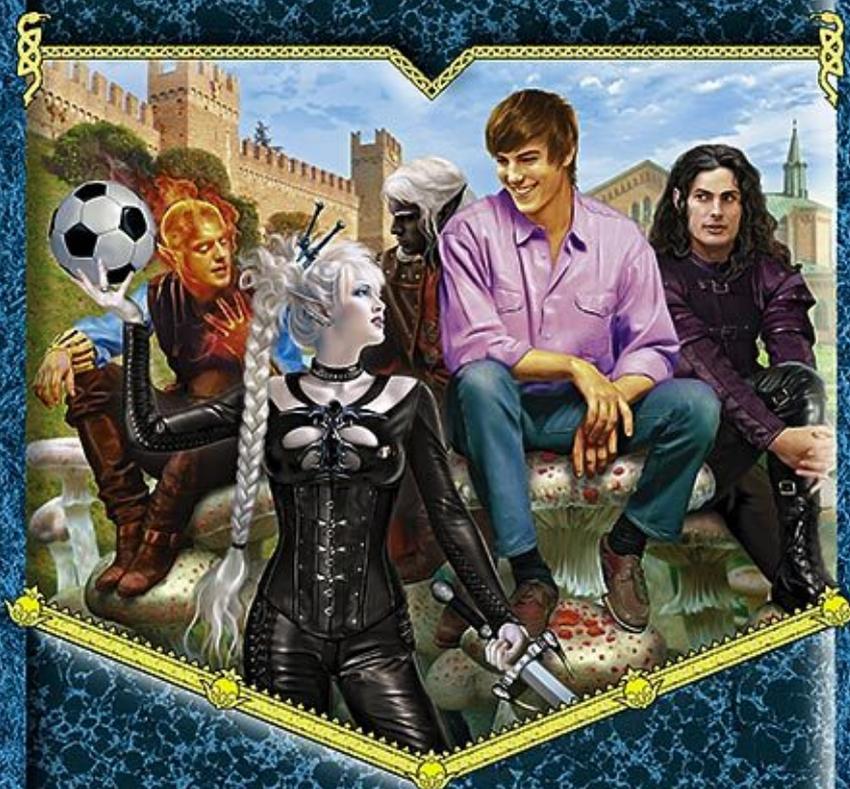

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Татьяна ПАТРИКОВА

ТОНКОСТИ
ЭЛЬФИЙСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Татьяна Патрикова
Тонкости эльфийской генеалогии
Серия «Психолог для эльфов», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523545
Тонкости эльфийской генеалогии: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1171-9

Аннотация

Жизнь психолога штука сложная, но интересная. Около месяца назад я подрядился на должность штатного психолога при магическом университете. С успехом освоился на новом рабочем месте, подружился и наладил контакт с массой интересных личностей эльфийской и не очень наружности, даже кое-кого успел перевоспитать и наставить на путь истинный. Но кто же будет останавливаться на достигнутом? Уж точно не я! Так что вперед и в бой! Посторонись, психолог идет!

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	28
Глава четвертая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна Патрикова

Тонкости эльфийской генеалогии

Генеалогия (от гр. genealogia) – в широком смысле слова наука о родственных связях.

Пролог

Эльф психологу товарищ

Андрей

Вот живешь себе неполных двадцать четыре года и в ус не дуешь. А потом неожиданно оказывается, что мир-то наш не один. Во всей множественности вселенных миров много. Теперь я это точно знаю – не далее как несколько недель назад нашел себе нехилую такую подработку. Устроился штатным психологом при Университете маготворчества и маготехнологий в мире с не очень благозвучным названием Халяра. Интересно, это у меня одного название мира с «халявой» ассоциируется? А вообще, как я на такое подписался? Да ничего сложного. Выложил свое резюме в Интернете, и в какой-то момент мне позвонили. Причем телефонное собеседование, если тот разговор можно так назвать, началось просто с гениального вопроса: «Андрей Игоревич, а как вы относитесь к темным эльфам?» Вот такая петрушка.

Не стану вдаваться с особые подробности, но теперь я на самом деле психолог, и это несмотря на то, что на Земле еще учусь на пятом курсе среднестатистического политеха. А на Халяре под мое шефство отдали целый класс молодых и перспективных магов-первокурсников со звучным названием «колокольчики», и учу я их тому, что предрассудки – зло и надо быть толерантнее, как можно толерантнее. Нельзя безоглядно доверять общественному мнению. Оно живет мгновение и устаревает быстрее, чем породившие его события. Единственный важный советчик в этой жизни, мнением которого все же не стоит пренебрегать, – это трезвый ум, а еще к нему стоит приплюсовать искреннее стремление видеть в людях хорошее, даже если знаешь, что не все твои знакомые – приятные в общении личности. Вернее, хорошее надо видеть не только в людях. Почему я так в этом уверен? Потому, что уже убедился в правильности такого подхода на примерах здешней жизни.

О чем говорю? Да о том, что вся Халяра поделена на два лагеря – светлый и темный, потому что здесь живут эльфы именно этих двух видов. А представители остальных рас, коих, надо сказать, в этом мире немало, по своему усмотрению принимают либо сторону одних, либо сторону других. Должен заметить, что после окончания последней Великой войны между светлыми и темными по одному из пунктов мирного договора в Университете маготворчества и маготехнологий, единственном на всей Халяре учебном заведении такого рода, практикуется совместное обучение представителей разных рас и цветов кожи.

Но до моего появления студенты этого университета только делали вид, что все у них тип-топ. На самом же деле светлые в стенах университета втихую травили темных. Но мне, работая с моим классом и другими студентами, удалось частично преодолеть застарелую вражду и недопонимание. Не стану вдаваться в подробности и доставать вас рассказами о том, чего все это стоило, тем более что серьезные меры пришлось принимать в короткие сроки. Но без ложной скромности похвалюсь: теперь моих «колокольчиков» просто водой не разольешь, да и не только их. Есть у нас тут еще и командос – мечники (темные) и лучники (светлые) – два элитных военных подразделения, которые несут службу на территории университета и регулярно разнимают студентов, периодически бьющихся между собой

не на жизнь, а на смерть. Руководят этими бравыми парнями два командора, которых я с момента своего появления в этом мире ласково называю – Барсик и Мурка. Опять-таки не стану раскладывать все по полочкам, упомяну лишь, что теперь эти двое весьма дружны, и это несмотря на то что еще недавно регулярно дрались на дуэлях. А их подчиненные уже не идут друг на друга при первом удобном случае стенкой на стенку, как было раньше. И к этому я тоже лапу приложил.

Конечно, не все так просто. Внутри класса регулярно возникают трения, командос тоже иногда подливают масла в огонь – когда нарочно, а когда и случайно. К тому же вот уже вторую неделю мы все дружно готовимся к родительскому дню, на котором я планирую познакомиться с папашами и мамашами моих студентов. Признаюсь, этот мир мне все больше нравится, а вместе с ним и один парень, самовольно переселившийся ко мне. Зовут его Ирирган Шутвик, но, как выяснилось, это не настоящее его имя. К тому же он вовсе не светлый эльф, как принято было считать, а ни много ни мало мерцающий. То есть принадлежит к одной из тех рас, которые входят в запретный список.

Что именно им запрещают? Учиться в университете вместе с другими. И все потому, что считается, будто представители этого вида разумных неспособны контролировать себя, когда находятся в переходном состоянии между своими мерцаниями. Так что Ир, как я его с некоторых пор стал называть, не просто тайно здесь учится, но уже закончил основной университетский курс, числится в аспирантуре и является бессменным секретарем нашего многоуважаемого ректора Карла Ви'Хольма. Вся беда в том, что мы с ним настолько закрутились со всеми этими событиями, начавшимися с примирения «колокольчиков» и закончившимися появлением в моем классе отца одной из студенток, которому кто-то донес, что его дочь провела ночь в компании темного эльфа, – что совсем забыли о Карле, который ни сном ни духом не ведал, как далеко мне удалось зайти в своей психологической помощи и чем аукнулось появление в моем классе Лукерьи. Благо удалось утихомирить воинственно настроенного папашу и тот забрал с собой обоих ребят – и Антилию и Карунда – для серьезного разговора. Собственно, на этом многообещающем событии мы и остановились. А теперь настало время продолжить рассказ.

Глава первая

Ох уж эти эльфы!

Карл Ви'Хольм

Нельзя всего предусмотреть, даже с моим опытом. Произошло то, чего ни я, ни кто-то другой не могли предвидеть. Андрей не просто прижился у нас, но за те недели, которые продолжалась его плодотворная деятельность, развил такую активность, которую трудно себе вообразить. С ума сойти можно. Я не преувеличиваю. Беда лишь в том, что долгое время, как бы парадоксально ни звучало это определение применительно к последним трем неделям, я по недомыслию игнорировал тревожные звоночки, которых было предостаточно, и не посетил его так называемый классный час, чтобы самому все увидеть. Но нет. Я был слишком занят подготовкой к предстоящему родительскому дню и не подумал об этом. Конечно, меня тоже можно понять. Ведь каждый год этот день становится для всего университета подлинным испытанием. Поэтому мы с преподавателями и обслуживающим персоналом поспешно приводили себя в состояние повышенной боевой готовности и мне действительно было не до Андрея с его «колокольчиками». Но когда в понедельник утром ко мне заявился Лукерель Таинственный, отец одной из студенток Андрея, после обычного приветствия сел в кресло для посетителей, закинул ногу на ногу и в лоб поинтересовался, насколько, по моему мнению, семейству Визария будет выгоден брак его дочери с темным, я решил, что демоны подземного мира прорвались на поверхность и теперь мы с моим посетителем сходим с ума, захваченные в плен жуткой в своих проявлениях магией. Рискнул мысленно произнести магическую формулу, призванную определить, не одержим ли я на самом деле демоном.

Разумеется, я не был одержим. Виноват во всем оказался Андрей. Хотя... это не извиняет мальчишеского желания Лукереля подшутить надо мной. Похоже, он уже пообщался с психологом и догадался, что ректор не в курсе происходящего. Разумеется, я не мог ударить в грязь лицом перед неожиданным посетителем. Поэтому сухо ответил, что выгод может быть больше, чем он думает. Достаточно только как следует все просчитать.

– О, не сомневаюсь, их очаровательная Владычица сделает это за меня, – пропел мне на это коварный родитель, так и не вышедший из подросткового возраста, и добавил словно между прочим: – Пока ты с психологом своим консультироваться будешь, я с дочкой поговорю и с этим ее Каром.

– Карунд и Антилия? – вырвалось у меня помимо воли.

Он широко улыбнулся:

– Конечно. Ты не знал?

Разумеется, не знал. Но отвечать на провокационный вопрос не стал. Просто молча дождался, когда родитель покинет мой кабинет. Эльф не стал с этим тянуть. Ушел. А я поспешил в класс «колокольчиков». Вот уж кто просто обязан быть в курсе всех дел, так это новый психолог, особенно если вспомнить, как ребята себя вели, когда мы с ними виделись в последний раз после выздоровления их классного руководителя. К слову, Андрей сейчас должен был быть с ними, у них же классный час.

Я многое пропустил. Не думал, что можно так широко развернуться за столь короткий промежуток времени. И все-таки нашему психологу удалось сделать это. Хотя чему удивляюсь? Если вспомнить, как тщательно я его выбирал... Знаю, в их мире есть поговорка: «Обжегшись на молоке, на воду дуть станешь». Я слишком долго обжигался. Андрей был моим последним шансом. И я ухватился за него. Оказалось, что не зря. Если вдуматься, было в моем везении нечто запредельное. Вот только в первый момент, когда вошел в классную комнату «колокольчиков», не сразу сумел понять, радоваться мне или пугаться.

Меня встретили... скажем прямо, изумленно. Никто не ждал, что я могу к ним заглянуть. Только Андрея с ребятами не было. И разумеется, Кара и Лии – так, кажется, Андрей их прозвал – не наблюдалось. Детей забрал с собой Лукерель. И все же такой прием оказался для меня полной неожиданностью.

Когда я вошел, студенты сидели кто где. Кое-кто даже на полу, на мягком ковре. Классная комната изменилась до неузнаваемости. Занавески на окнах, пушистый ковер на полу. Ряд кресел, отодвинутых к стене, плазменный телевизор из мира Андрея. Но в первую очередь мое внимание привлекли котята. С ними возились Фаль – нелюдимый, но талантливый мальчик из пустыни Наби – и Гарилика – девушка-оборотень, родители которой очень просили не инициировать ее до полного совершеннолетия. Желание родителей – закон, но подобное отношение меня, признаюсь, удивило, ведь для оборотней, напротив, чем раньше произойдет полное перевоплощение, тем лучше. Но родители ссылались на какое-то семейное недомогание. Правда, узнал я об этом слишком поздно.

Без Ириргана как-то упустил весь набор этого года. Слишком привык к тому, что уже много лет именно он занимался всеми делами, которые не требовали моего прямого вмешательства. Секретарь всегда знал, о чем следует доложить в первую очередь, чтобы я обратил на ту или иную ситуацию особое внимание, а о чем можно и промолчать. Но когда Шутвик внезапно запросился в академический отпуск, а потом просто взял и ушел, я растерялся. В тех проблемах, которые у нас возникли с «колокольчиками» из-за необдуманного распределения поступивших, я оказался виноват сам. Нужно было несколько раз проверить, кого с кем объединили. Поэтому пришлось прибегнуть к помощи извне и завести психолога. Долгое время казалось, что это пустая трата времени. Я почти отчаялся, но Андрей оказался ценным приобретением. Хотя... об этом интересном во всех смыслах юноше скажем чуть позже.

Стоило мне войти в аудиторию – и я сразу же завладел вниманием студентов. Вот только взгляды у них оказались настороженными, а у кого-то и откровенно испуганными. Признаюсь, такая реакция меня удивила. Все дело в том, что я никогда не был со студентами особо строг, даже тогда, когда они упрямылись и, словно назло, продолжали в открытую чуть ли не на кулаках драться между собой. К тому же, пока Андрей пребывал в лазарете, мы с «колокольчиками», как мне казалось, вполне мирно пообщались и остались довольными друг другом. Что же на этот раз заставило их так на меня смотреть?

Пришлось придумывать способ разрядить обстановку. Именно поэтому я ухватился за котят.

– Какие очаровательные представители семейства кошачьих, – сказал вместо приветствия, – Андрей принес?

– Они наш живой уголок, – мягким, почти воркующим голосочком ответила мне староста Ириль, но эта легкость нисколько меня не обманула.

Как мне показалось, даже в кабинете Лучистого при том неприятном инциденте с поцелуем она была не так напряжена, как сейчас. Что у них тут произошло? Не думаю, что Лукерель стал бы так себя со мной вести, если бы причинил прямой вред одному из моих сотрудников. Похоже, пришла пора принимать решительные меры.

– Ира – он ведь так тебя называет? – скажи прямо, что тут произошло и где Андрей?

– Я скажу, – неожиданно вмешалась Илюизмена.

Внимательно всмотревшись в лицо девушки, понял, что темная куда лучше владеет своей мимикой, чем ее светлая соученица, но мое присутствие в их классной комнате ей тоже не по душе. Того и гляди, ребята дружно кинутся на меня, свяжут по рукам и ногам, а потом зашвырнут в самый дальний угол, чтобы под ногами не мешался и ничего не вынюхивал. Не такими мне представлялись отношения с представителями подрастающего поколения. Оставалось одно: и дальше продвигаться к пониманию ситуации осторожно, так, будто

идешь по лугу со взрыв-травой и сохраняешь отчаянную надежду не подорваться при любом неверном шаге. Я прямо спросил у темной:

– Что с Андреем?

– Он с Иром у себя.

Не стану скрывать, в моем возрасте такая бурная реакция выглядит немного нелогичной, но я всегда чувствовал себя молодым душой, потому, когда от этой простой фразы внутри похолодело, удивляться было уже нечему.

– Ир – это в исполнении Андрея Ирирган?

– Да.

– И давно он с вами?

– Давно. Разве вам не докладывали, что он стал открыто появляться на территории университета?

– Осмелюсь предположить, – уточнил я, проигнорировав вопрос о докладах гипотетических соглядатаев, – что до недавнего времени Шутвик не делал этого открыто.

– Он не покидал университета. Разве что ненадолго, еще летом.

– Иля! – воскликнул Томас Рутберг, хулиган и повеса, вечная головная боль своего знаменитого отца.

Но темная так посмотрела в его сторону, что парень, как ни странно, осекся.

– Я тоже считаю, что нужно попытаться заполучить столь влиятельного союзника, – поддержала Илюизмену Ириль, явно имея в виду меня, после чего я с чистой совестью сел за преподавательский стол.

Откинулся на спинку стула и еще раз обвел студентов взглядом. Остановился на старосте класса и Темной Владычице и выжидающе на них посмотрел:

– Я вас внимательно слушаю.

– Андрею стало плохо от нервного перенапряжения, – сухо проинформировала меня Вик-Холь.

В тот момент стало плохо уже мне. Это снова моя вина, я совсем не подумал о том, что землянин может перенапрячься. А ведь эта мысль должна была прийти мне в голову. Но сейчас уже было поздно сокрушаться.

– Что Ир?

– С ним. Я дала ему пару советов и сказала, чтобы он уложил Андрея в кровать и заставил полежать хотя бы до вечера.

– Мы сами его отвели, он еще брыкаться пробовал, – хмыкнув, объявил Рутберг, но его взгляд, как ни странно, выражал неподдельное беспокойство.

Похоже, и мне пора было братья за голову. А лучше возвращать своего секретаря, без которого я оказался совсем как без рук и, судя по некоторым признакам, без мозгов. Как это я смог так опростоволоситься и не предугадать подобного развития событий?

– Насколько все плохо? – прямо спросил у Или, как ни странно, ее и правда удобно было так называть.

– Вы действительно беспокоитесь об Андрее? – вмешалась Ириль. И все-таки Лучистый ошибся насчет нее. Если Ир каким-то образом и прятался среди студентов, то точно не в образе Рассветной.

– Да. Действительно. Знаю, что подобные вещи, учитывая его расовую принадлежность и особенности их мира, могут быть весьма опасны для нервной системы.

– Особенности? – слева от меня подал голос Машмул, низкорослый темный, задиристый и откровенно нахальный. Когда-то он казался именно таким. Сейчас его голос дрогнул. А рядом с ним сидел светлый – Алиэль Душистый – и прожигал меня не менее взволнованным взглядом.

– Их мир отличается от нашего, но подробности вам лучше узнать у самого Андрея.

– И узнаем! – прогудел Пауль Виттебранд и посмотрел на меня глазами подлинного рыцаря без страха и упрека. Сколько единодушия! Просто удивительно. Но сейчас мне некогда было об этом размышлять.

– Сходите к ним сами, – вдруг предложила Иля и добавила: – Мы пропустим.

– Хочешь сказать, что, если бы я повел себя как-то иначе, не пропустили бы?

– Попытались бы не пустить, – открыто глядя мне в глаза, призналась она. Владычица трезво понимала, что их совместные силы против меня, боевого архимага, маловаты, и все же решимость, которую я увидел в ее глазах, удивила.

– И не думайте, что у нас бы это не получилось, – встряла Ириль. Странно, никогда бы не подумал, что она способна так открыто мне угрожать. Выгнув брови и внимательно всмотревшись в прекрасно знакомое мне лицо светлой эльфийки, вроде бы в шутку уточнил:

– Как кровожадно. Девушка, я вас знаю?

И увидел то, о чем следовало бы задуматься. Девушка поменялась в лице и отшатнулась от меня, но к ней тут же шагнул Фаль, оставивший котят на попечение Гарилики. Пустынник успокаивающе сжал плечо эльфийки и внимательно посмотрел на меня:

– Сходите к Андрею, он должен вам все объяснить.

– Очевидно, нам с ним давно следовало поговорить.

– Он просто был слегка занят, – объяснил Алиэль, тоже выбравшийся из-за парты. – И Ир тоже. Вы даже не представляете, как поменялась наша жизнь с приходом психолога.

– Надеюсь, когда вернусь, уже буду иметь какое-то представление обо всех изменениях, – отозвался я и решительно направился в сторону небольшой двери, ведущей в квартиру землянина.

Никто из детей не посмел меня остановить, но все равно они провожали меня одинаково напряженными взглядами. Мир действительно сошел с ума. Но таким он мне нравился даже больше.

Квартирка Андрея встретила тишиной. Конечно, я не мог похвастаться таким же тонким слухом, каким обладают эльфы. И все же не считал нужным прибегать к магии в месте, где сплелись воедино два разных мира. И его – абсолютно немагический, и наш – со своей природной магией активно проникающий на территорию Земли, позволяя частично сохранять свои магические способности.

Я нашел своих сотрудников в дальней комнате, которая, судя по всему, являлась спальней. Андрей лежал на незастеленной кровати, он был искусственно погружен в оздоровительный транс.

Первой моей мыслью стало: откуда светлый эльф, коим и являлся мой секретарь, может знать тонкости этой техники темных? Но стоило Ириргану, который стоял на коленях у кровати Андрея, обернуться на звук моих шагов, как я увидел его желтые глаза и все понял. Удивительно... но все оказалось так просто...

В глазах мерцающего мелькнуло мгновенное узнавание. Он молниеносно поднялся на ноги и оказался возле меня. Шутвик был пониже ростом, и ему приходилось слегка запрокидывать голову, чтобы смотреть мне в глаза. Мерцающий юноша пытался разглядеть выражение моего лица. И я, не раздумывая, попытался показать, что его расовая принадлежность ничего между нами изменить не может.

Улыбнувшись, поднял руку и сжал его плечо. Одними губами, чтобы не нарушить здорового сна нашего психолога, спросил:

– Поговорим?

– На кухне, – тут же полупшепотом ответил он.

Прошел мимо меня в коридор, и через пару шагов мы оказались в той самой комнате, которую Ирирган назвал кухней. Комнатушка была еще меньше предыдущей и предназна-

чалась для приготовления и приема пищи. Я знал, что земные люди способны жить на очень маленьких площадях, и все равно такой подчеркнутый минимализм меня несколько смущал.

Сели за стол. Мой секретарь явно надеялся, что я спрошу его о чем-то, но, разглядывая старого знакомого, решил дождаться, когда он заговорит сам. Ирирган оказался очень похож на эльфа. Те же длинные уши, те же породистые черты лица, только глаза выдавали своим цветом. Интересно. А ведь во всех справочниках значилось, что, несмотря на внешнее сходство, мерцающего легко можно отличить от эльфа не только по цвету глаз. Но додумать эту мысль Шутвик мне не дал.

– Собирался тебе сказать, честно, – Ирирган отвел глаза, повернулся ко мне боком и вжался спиной в стену, – но так и не решился. Боялся, что, несмотря ни на что...

– Отрекусь?

Он кивнул.

– Не собирался и не собираюсь этого делать.

– Да, наверное. – Мерцающий слабо улыбнулся. – Только теперь это не так уж и важно. Ты даже себе не представляешь, чем мы с Андреем все это время занимались и каких успехов благодаря ему удалось достичь.

– Так почему же ты сам не пришел поделиться со мной? Где скрывался все это время? И как успел настолько быстро познакомиться с Андреем? – Разумеется, это были далеко не все из интересовавших меня вопросов, но именно их я посчитал на данный момент основными.

Ирирган нетерпеливо поднял руку и взлохматил угольно-черные волосы несколькими нервными движениями. Потом резко выдохнул и, все еще не глядя на меня, попытался начать с самого главного. Только лучше бы было, если бы он начал издалека, так я хотя бы смог подготовиться к тому, что он с такой легкостью на меня вывалил.

– Лучистый угадал. Я был Ирой. То есть Ириль. Так мы с Андреем и познакомились. Он на самом деле, когда целуется, может угадать – парень ты или девчонка. Даже в случае... с мерцающими. – Ир слабо хмыкнул и продолжил, не дав мне продохнуть и переварить услышанное: – Он и Нику с легкостью распознал.

– Нику?

– Та девочка, которая заменила меня, превратившись в Иру, – и вот тут он поднял глаза, – она вышла на Андрея в их мире, мерцнула в парня. Познакомилась с ним в клубе, попыталась napроситься в постель. Ты ведь знал, что он и по тем, и по другим, когда брал его, так?

– Да. К тому же знал, что, несмотря на относительно юный возраст, у него достаточно опыта, и больше негативного. После нескольких осечек к подбору нового психолога я подошел с тщательностью.

– И что это за опыт? – тут же нетерпеливо перебил Ирирган, что ему было абсолютно несвойственно.

С другой стороны, моим секретарем являлся не совсем он, а светлый эльф – его мерцание, поэтому я не мог утверждать, что знал юношу, который сейчас сидел передо мной. Молчание красноречиво сказало ему о моих сомнениях; наверное, именно поэтому он так быстро и сбивчиво заговорил, пытаясь убедить рассказать ему об Андрее.

– Я уже успел познакомиться с его родителями. И все равно, у меня такое чувство, что даже Барсик знает о нем больше, чем я, не говоря уже о тебе. – Мерцающий бросил на меня взволнованный взгляд. И я счел за лучшее пока не уточнять, действительно ли он тоже называет Барсима Барсиком, как прозвал светлого командора Андрей.

– И как тебе родители? – осторожно спросил, подозревая, что реакция Шутвика на мой рассказ о прошлом нашего психолога может оказаться более чем непредсказуемой. Ирирган – мерцающий. Всем известно, какими вспыльчивыми и резкими они могут быть.

– Отвратительно, – почти прошипел Ир и сразу же добавил: – Не понимаю, как Андрей может их любить.

– Но он любит, правда?

Ирирган быстро кивнул.

– В этом мире многие дети, лишённые нормальной родительской любви и ласки, вместо того чтобы ожесточиться и возненавидеть нерадивых родителей, всей душой тянутся к ним, а те не хотят или просто неспособны дать им любви.

– О чем ты? – Ирирган впился в меня цепким взглядом.

Положив подбородок на переплетенные перед лицом пальцы, вздохнул и мягко попытался объяснить ситуацию так, чтобы по возможности сгладить его реакцию.

– Нервная система нашего психолога на самом деле может быть нестабильной. Думаю, сегодняшний обморок... я ведь правильно понял, Андрей у вас на глазах сознание потерял? – Дождавшись кивка, продолжил: – Так вот, в этом нет ничего случайного. Во-первых, раньше он уже в определенных ситуациях испытывал дискомфорт, так ведь? – Я вопросительно посмотрел на своего секретаря. То, что он ответил на это, надолго повергло меня в шок.

– О да. Когда на нас напали и ему пришлось взять руководство в свои руки. Когда мирил командоров и помогал им разобраться в собственных чувствах друг к другу. Когда возился с командос, которые решили схлестнуться только из-за того, что Барсик провел ночь в комнате Мурки. А потом еще футбол и Вини со своими глупыми шуточками, из-за которых Иля его чуть на лоскутки не порвала...

В воздухе повисла неловкая пауза. Похоже, я все же стал староват для таких потрясений.

– Ирирган, ты ведь не хочешь сказать, что все это он успел за какие-то три недели?

– Хочу. И если можно, лучше называй меня Ир. Без мерцания мое имя Ириргавирус, но с Иром уже как-то свыкся. – Он улыбнулся, и я понял, что впервые вижу его неподдельно искреннюю улыбку.

Я наконец-то узнал своего бессменного секретаря, которого все это время мне так отчаянно не хватало. Улыбнулся в ответ и пообещал себе сразу же после общения с Иром и Андреем найти командоров и обо всем их расспросить. Хотелось познакомиться еще с одной точкой зрения на изменения, привнесенные психологом в наш привычный уклад жизни.

Но улыбка быстро сползла с лица мерцающего. Он посерьезнел и уточнил:

– Так что там во-вторых?

Помедлив, я принялся рассказывать то, что успел узнать.

– А во-вторых, ему двадцать три и он учится на последнем, старшем курсе института. Всего цикл обучения составляет пять лет, школу они заканчивают в среднем в шестнадцать-семнадцать... – Я снова посмотрел на Ира, но быстро понял, что истинный возраст нашего психолога для него не новость. Очень интересно.

– Да, я знаю, – пробормотал тот, бросил на меня вороватый взгляд и признался: – Только два дня назад узнал. Еще и «колокольчикам» не говорил. Не представляю, что сделает Иля, когда поймет: Андрей умирает и ничего не хочет с этим делать. Психолог отказался продлевать свою жизнь ради нас. Но ведь тогда он даже на выпускном побывать не сможет!

– Тебя это так волнует? – уточнил осторожно.

– А тебя нет? – тут же довольно резко бросил Ир.

– Уже нет, – обронил я и внимательно на него посмотрел.

Ирирган насторожился:

– Ты... что-то сделал?

– Экспериментальная технология протыкания пространства-времени. Не был бы ты на ножах с Лучистым, мог бы узнать массу полезного. Он талантлив, как бы ни был тебе неприятен.

– Он собирался силой меня поцеловать, только чтобы убедиться, что я – это я! – воскликнул Ир негодуя.

– Да. А в итоге тебя поцеловал Андрей. Но, судя по всему, твое мерцание было совсем не против.

– Не против?! Ты тоже думаешь, что если мы мерцаем и в мужчин и в женщин, то и спать способны и с теми и с другими, да?! – вдруг огорошил меня секретарь и, досадуя, отошел к окну.

Встал ко мне спиной. Если бы он все еще был эльфом, уши бы у него покраснели, но, судя по всему, у мерцающих смущение с примесью возмущения было схоже с человеческим, поэтому он таким нехитрым способом попытался спрятать от меня свои пылающие щеки. Мальчишка! Я не ожидал от него такого. Совсем не ожидал.

– Ир, да я многого о вас не знаю, но это не смертельно, как мне кажется.

– А мне кажется, что мир сходит с ума, и я вместе с ним, – в сердцах бросил он, озвучив мои собственные мысли. – Андрей считает, что такие отношения в порядке вещей. Не стесняется говорить об этом. А я уже голову сломал, пытаюсь его убедить, чтобы он в своем мире ни на кого не заглядывался, а к кому-нибудь из нашего присмотрелся получше.

– Например, к тебе? – уточнил я, честно попытавшись скрыть, насколько неприятно было бы для меня такое развитие их отношений.

– Да нет же! Как ты не понимаешь?! – Ир резко повернулся ко мне.

Но я не стал развивать тему. Вряд ли в состоянии раздражения мерцающий сможет меня услышать.

– Он пропагандирует свои взгляды среди студентов?

– С чего ты взял? – искренне удивился желтоглазый юноша. И это удивление меня обнадежило.

– Просто предположил. Еще не хватало, чтобы наши ребята раньше времени узнали об этой стороне жизни.

– Не успев завести потомство, так? – Шутвик глянул исподлобья.

– Ирирган?

Мерцающий снова отвернулся к окну.

– Андрей ничего не пропагандирует. Командоры – это еще не показатель. Но ты, похоже, не учел, что у темных такие связи в порядке вещей. Они вообще предпочитают любить существ одного с ними пола.

– У них другое отношение к семье и браку. Несмотря на всю свою любовь, они не забывают о потомстве.

– Это да. – Ир вздохнул. – Командоры теперь вместе. Судя по всему, тебе еще никто не рассказывал сию новость.

– В том самом смысле?

– Да.

– И Андрей, как я понимаю, им поспособствовал?

– Они счастливы. Только ты прав. У Мурки взрослая дочь, и вполне возможно, что есть еще дети, а Барсик... – Мерцающий запнулся, вздохнул, потом махнул рукой: – В общем, ты понимаешь.

– Понимаю и еще побеседую с ними. Но мы, как мне казалось, говорим с тобой об Андрее.

– Да, о нем, – тихо обронил мой секретарь, – только пропагандой то, что он делает, назвать трудно. Я в этом уверен.

Стало очевидно, что мой славный мальчик измотан из-за нервных переживаний, свалившихся на него вместе с плохим самочувствием Андрея и моим появлением в этом доме. Будь он моим сыном, я бы обнял его, но теперь даже не был уверен в том, что он сирота, как значилось в его документах. Не стану скрывать, эта мысль меня огорчила. Хотя должна была обрадовать. Ведь это значило, что Ир знал тепло семейного очага и его детские годы не прошли в одиночестве и отчаянии.

– Они третировали его и продолжают это делать, – обронил я, возвращаясь к первоначальной теме разговора. В частности, речь шла о родителях нашего психолога.

– Кто? – Мерцающий недоуменно посмотрел на меня через плечо.

Пришлось покачать головой и рассказать во всех подробностях.

– Андрей, насколько я знаю, всегда хотел учиться в университете, таком же, как наш, только без магического уклона, но его отец был против, втайне от него забрал документы из приемной комиссии и отнес их в техникум – учебное заведение более низкого ранга, чем университет. Уже учась там, Андрей назло родителям завел роман со взрослым мужчиной. Когда об этом стало известно, отец напился и избил парня до полусмерти. Мальчишка три месяца провел в больнице, две недели не приходил в себя, находился в глубокой коме. Предоставив возможность жить в этой отдельной квартире, родители от него просто откупились. Очистили совесть, если можно так сказать.

Я ожидал вспышки гнева. Ведь Ир был мерцающим. Но ее не последовало. Мой секретарь неподвижно стоял у окна. Только когда он заговорил, мне по-настоящему стало его жалко. Я ведь со всем моим опытом спокойно пережил эти известия, но ему с его благородными понятиями о чести и совести было очень нелегко смириться с такой жизненной историей друга.

– Я знаю, что говорят о моем народе. Не стану утверждать, что все это неправда. Зерна истины среди рассказов есть, и их немало. Но... – Ир резко повернулся ко мне, завел руки за спину и уперся ими в подоконник. В глазах плескалась неподдельная боль. – У нас нет ничего более ценного, чем наши дети. Я уже рассказывал и командорам и остальным... у нас, как бы вам всем ни хотелось верить в обратное, нет своего государства. Мы живем среди вас, притворяемся вами. Так интереснее. Да и привыкли мы так жить. Но если у кого-то появляется возможность родить ребенка, мерцающие бросают все и уезжают в Чашу Лис. Спокойное, хорошо охраняемое и скрытое от внешнего мира место. Там рождаются дети, там они воспитываются до определенного возраста, пока не научатся правильно мерцать. Только тогда семья возвращается к своим мерцаниям и снова переезжает туда, откуда уехала. Вместе с ними возвращается подросший ребенок. Как правило, внешне он не старше двадцати пяти лет.

– Но на самом деле старше?

– Да. Но я сейчас не о том. Понимаешь... – Ирирган запнулся, помолчал, потом продолжил: – Детей холят и лелеют, ведь всегда есть опасность, что их первые мерцания окажутся неправильными и полностью поглотят саму их суть. Мы в мерцании можем обрести любую магию, но на самом деле наша стихия – вода. Мы такие же изменчивые, как она, с легкостью принимающая форму сосуда, в который ее налили. Но от изменения формы вода не меняет своей сущности. Маленькие мерцающие эту сущность по недомыслию могут изменить. В Чаше Лис есть место, где целую вечность в отдельных камерах живут те дети, которым уже не вернуться.

– Что значит – не вернуться, Ир? – Его рассказ взволновал меня. Я и помыслить не мог, что у их расы все может быть настолько сложно.

Он тускло улыбнулся:

– Как уже сказал, наша стихия – вода. Дети становятся ею. Маленький источник, возникающий словно из ниоткуда. Как правило, он бьет в метре от земли прямо из воздуха.

Эта вода никуда не проливается, в нескольких сантиметрах над землей она просто исчезает. Такой вот маленький фонтанчик, в который превратился неправильно мерцнувший ребенок. Поэтому... понимаешь, как мне дико, что они... они сделали такое с собственным сыном? Ты понимаешь? – Он чуть не плакал в этот момент, вопрошая отчаянно и горько. А я был так огорошен рассказом, что не сообразил подойти к нему. Но не успел ничего ответить.

– Ир, – послышался со стороны двери хриплый голос Андрея. Я обернулся к нему, но человек уже прошел в комнату, приблизился к Шутвику и неожиданно крепко, без предупреждения и лишних слов, обнял его.

В тишине крохотной комнатки отчетливо послышался его успокаивающий шепот:

– С ума сошел – в пограничном состоянии откровенничать...

Я не поверил собственным ушам, но был вынужден поверить глазам. Ир уткнулся лицом в плечо психолога, прерывисто вздохнул и стиснул человека в ответных объятиях. Потом через несколько секунд ослабил хватку и даже слегка оттолкнул от себя Андрея, позволив мне увидеть свое преображенное лицо. Стрелки, словно вытатуированные в уголках глаз, и совсем не такие длинные, как у эльфов, хоть и заостренные на концах уши – вот каким оказался истинный облик мерцающего.

– Ты был в пограничном состоянии и не кинулся на меня? – Вопрос сорвался с губ быстрее, чем я успел подумать и остановить себя.

Ир дернулся, посмотрел на меня из-за плеча Андрея и криво усмехнулся:

– Мы давно уже не такие безудержные, как принято считать.

– Ну да, конечно, а кто меня чуть не придушил при первом знакомстве? – ворчливо протянул Андрей, отступая от него и плюхаясь на освобожденный мерцающим стул. Он хитро посмотрел на растерявшегося от такого заявления Ириргана и улыбнулся.

Тот возмущенно открыл рот, но я успел спросить первым:

– Он правда пытался?

– Ага. – Андрей повернулся ко мне и улыбнулся своей бесхитростной, открытой улыбкой. Не парень, а находка. Я заинтересованно посмотрел на своего сотрудника. Психолог принялся пояснять: – Наша мерцающая недотрога решила, что я его чуть ли не насиловать собрался. И это после того, как он сам забрался ко мне в постель.

– Не на полу же мне было ложиться! – тут же возмущенно бросил Ир.

– В твоём распоряжении имелся целый диван в гостиной.

– Без подушки и одеяла?

– А как же твое амплуа настоящего воина, который может спать хоть на земле в сорокаградусный мороз?

– Когда это у меня было такое амплуа? И ты сам ко мне полез с поцелуями!

– Ага. В нос. Только затем, чтобы ты не расслаблялся!

«Какие же они еще мальчишки!» – подумалось отстраненно. С самого начала их дружеской перепалки у меня все не получалось стереть с лица глупую улыбку. Не думал, что мой юный секретарь может быть таким живым и открытым. Поэтому, стоило им обоим замолчать, рискнул спросить:

– Ир, а ты всегда такой или изначально был ближе к тому, которого я знал?

– Был, – хмуро глянув на Андрея, ответил Шутвик, хотя фамилия у него, наверное, тоже другая. Пока я думал об этом, мерцающий продолжил: – Это он меня извратил, – и кивнул на Андрея.

– Ты еще скажи, совратил, – насмешливо бросил тот.

– И скажу!

– Это кто еще кого совращает? – прищурившись, уточнил Андрей. И снова вмешался я:

– Думаю, оба хороши. А теперь, возможно, вам обоим будет интересно, почему вы можете смело признаваться «колокольчикам», сколько тебе, Андрей, на самом деле лет.

- И даже сколько жить осталось? – тут же встрял Ир.
- А вот сколько ему осталось, я не поручусь.
- Та-а-а-ак, – протянул психолог, причем в его тоне отчетливо сквозило недовольство. – Это что же получается, пока я тут бедных Ирчиков стращаю, без меня меня женили?
- На ком? – ледяным тоном уточнил после паузы Ир.
- Это у них расхожая фраза, – попытался сказать я, но Андрей перебил:
- Ты же хвастал, что после общения с моим переводчиком все-все знаешь?
- Запомятовал! – почти прорычал в его сторону Ирирган. Удивительно, и не боится наш психолог так его доводить?
- Я ведь говорил, что что-нибудь придумаю, – примирительно сказал я. – Сначала в подобных действиях не было необходимости, но когда ты проявил себя во время нападения на университет и отсутствовал дома, поскольку лежал в лазарете, мы с Лучистым запустили обратный отсчет.
- Обратный отсчет до чего? – настороженно уточнил Андрей.
- До того момента, как прокол пространства-времени войдет в конечную фазу.
- Конкретнее! – требовательно бросил Ир, сгорающий от нетерпения. Странно, но он мне таким нравился. Наверное, я хотел бы получше узнать его в новом для меня качестве. Пришлось пояснить:
- По идее, вы оба... я ведь правильно понял, что в последнее время вы оба тут живете? – Они закивали, а я снова улыбнулся, поскольку моя догадка оказалась верной, и продолжил: – Так вот, вы должны были уже заметить, что, несмотря на то что в этом мире семидневная неделя, а в нашем – восьмидневная, лишний день куда-то пропадает, нет?
- Мы должны были пойти в пятницу к моим, – удивленно пробормотал Андрей и посмотрел на Ира.
- По вашему времени. Не по нашему.
- А в итоге...
- В общем, вы поняли, о чем речь, – перебил я их и снова вернулся к объяснениям: – Со временем границы совсем сотрутся. Таким образом, в нашем мире ты станешь жить вне времени, а выходя в этот мир – не в свою квартиру, а именно в мир, – будешь оказываться в нем в то же самое время, в которое его покинул. Таким образом, процессы старения пойдут только в том случае, если тебе придется находиться за пределами своей жилплощади слишком длительное время. В конечном счете даже эльфам порой становится невыносимо жить и они уходят в иные миры. Поэтому тебе была оставлена возможность контролировать собственное старение.
- Я мало что понял... – вздохнул было Андрей, но Ир решительно перебил его:
- Я все тебе объясню. Потом.
- В постели? – Тут же закинул удочку психолог, за что (признаться, я был удивлен) получил смачный подзатыльник от мерцающего.
- Ир, твой самоконтроль меня вдохновляет, – вырвалось у меня.
- Это хорошо, – быстро нашелся тот, хотя в первый момент и растерялся. Улыбнувшись, он сказал: – Но ты еще не видел, какими вспыльчивыми могут быть наши дети. Достаточно взглянуть на Нику.
- Так откуда взялась эта девочка? Ты мне так толком и не объяснил.
- Ее подослали ко мне напавшие на университет, – вместо моего секретаря ответил психолог.
- И мне, если честно, в этот момент было абсолютно не стыдно, что я от неожиданности чуть не упал со стула. Схватился за стол и недоверчиво уставился на мальчишек. Андрей все еще сидел в обманчиво расслабленной позе, Ир стоял рядом с ним, цепким взглядом впившись в мое лицо.

– Все нормально? – участливо спросил психолог.

Мой голос прозвучал хрипло и чуточку зло.

– А теперь по порядку. Быстро.

Разъяснять принялся Андрей:

– Эти ваши расы, которым запрещено учиться в универе, устали сидеть безвылазно по своим норкам и создали тайное общество, которое поставило себе целью уничтожить Камни истинного зрения. – Он покосился на Ира: – Правильно хоть назвал?

– Правильно, не волнуйся, – отозвался тот. Андрей продолжил:

– Так вот, они решили по-тихому захватить университет, отвести тебя в Большой зал и все там взорвать. Ты в их плане был главной подсадной уткой. То есть именно на тебя они собирались свалить всю вину за происшедшее, так как знали: ректор радеет за радикальные изменения в уставе университета. Вот и все. Но мы Нику перевербовали. Сам посуди, то, что она теперь с нами, даже хорошо. Во-первых, под присмотром, во-вторых, получила возможность убедиться, что мирный способ изменения ситуации в их пользу куда действеннее, чем террористический. В-третьих, она хорошая девочка. Нет, правда, не в тюрьму же ее сажать? А Барсик обещал поговорить с братом. Так что высокое начальство уже должно быть в курсе и все такое.

– Так, – мне пришлось медленно встать, похоже, пора было им напомнить, что в этом учебном заведении самое высокое начальство – я. Ладно, Ир с Андреем пусть отдыхают, а вот командоры, похоже, слегка заигрались. – Хорошо, поговорю и с ней. – Глянув на них, уточнил: – Без вас. И с Мурзясом и Барсимом. Кстати, – внимательно посмотрел на Ира, – если с Андреем уже случалось что-то подобное, почему тебе не пришло в голову напоить его настоем вхари-мусь-мусь.

– Чем-чем? – тут же уточнил Андрей, и лицо у него вытянулось.

– Не волнуйся, это просто настойка для поддержания общего тонуса организма. Она только немного горчит, – сладко пропел Ир.

– Я ведь тебе уже говорил, что не буду пить никакую гадость!

– Предпочитаешь, чтобы я тебя связал и влил ее изо рта в рот?

– Ир! – возмущенно выкрикнул Андрей и попытался вскочить на ноги, но тот почти обиженно бросил:

– Не все же тебе идиотские шутки отпускать!

И психолог сразу же угомонился. Так это они, оказывается, шутят! Радостно. А то я испугался за обоих.

– Это правда не так уж и противно, – тем временем заявил мерцающий, – к тому же настойка полностью состоит из натуральных ингредиентов, приготовлена без применения магии. Тебе, возможно, даже понравится. Напиток чем-то напоминает по свойствам ваш кофе, только полезнее – бодрит и освежает не временно и мнимо, а по-настоящему.

– Ну если как кофе... – с сомнением протянул Андрей, словно маленький ребенок, которому предложили попробовать какую-то неведомую бяку.

– Сегодня отдохайте. – Я снова вмешался в их разговор и обратился к Иру: – Присмотри за ним. А с завтрашнего дня я жду тебя на рабочем месте.

– Нет. – Такой ответ стал для меня полной неожиданностью. Я уточнил:

– Нет?

– У меня все еще академический отпуск, Карл. Я не могу позволить ему шататься одному. – Разумеется, Шутвик имел в виду Андрея. – Спроси у командоров и ребят, он регулярно в самые неожиданные моменты фонтанирует такими идеями, что просто грех не подхватить. Поэтому я не могу. Понимаешь?

– Мне... трудно без тебя, – сам удивился, что так легко удалось в этом признаться.

– Знаю и буду помогать. Но, сам понимаешь, сидеть в приемной...

– Но помогать ты обещаешь?

– Конечно! – торжественно подтвердил Ир и неожиданно лукаво улыбнулся: – А то, я смотрю, основательно они за тебя взялись. Специально всех самых сложных ребят из высокопоставленных семейств определили в один класс и решили посмотреть, выплывешь ты или нет.

– А я выплыву? – уточнил у обоих.

– Не просто выплывешь, а их всех потопишь, – вдруг огорошил нас с Иром Андрей, – могу гарантировать.

Мне, как ни странно, показалось, что ему стоит поверить.

Глава вторая

Полуэльф – тот же эльф, только не такой ушастый

Карл Ви'Хольм

В жизни каждого человека бывают вещи, к которым он настолько привыкает, что, когда их у него отбирают или они сами куда-то пропадают, в первый момент он чувствует себя растерянным и покинутым. И только хороший пиннок по самому стратегически важному месту может привести в чувство. Ир никогда не был для меня вещью, но без него я в какой-то момент оказался полностью дезориентированным. Зато Андрей с его гиперактивностью в рамках подписанного с ним договора стал для меня тем самым отрезвляющим и приводящим в чувство пинком. Признаюсь, я устыдился. Поэтому, по собственным ощущениям, вернулся в классную комнату «колокольчиков» совсем другим человеком. И это хорошо, поскольку сумел быстро сориентироваться и переключиться, когда обнаружил, что там меня поджидают три юные дивы.

Ириль, она же Ника, хотя очень сомневаюсь, что это ее настоящее имя, а не очередное прозвище Андрея. Иля, которая, после того как пост старосты покинул Ир, стала негласным лидером класса. И та, которой удалось удивить меня своим присутствием больше всего, – Ингианиса Рим-Доль. Младшая Верховная Владычица Первого Дома Темного королевства. Неужели Андрей и ее успел обработать? Что интересно, действительно успел, но к тому времени, когда леди Рим-Доль призналась в этом, меня это уже несколько не удивляло. Ир в чем-то прав – за Андреем нужен присмотр все тридцать два часа в сутки.

– Меня ждете? – спросил с отеческой улыбкой.

– Как он там? – взволнованно отозвалась Ириль.

– Все хорошо. Я дал им с Иром на сегодня выходной. – И тут же без перехода обратился к юной светлой: – Мне нужно с тобой поговорить.

Она покорно опустила глаза. Тихо сказала:

– Да, я ждала вас за этим, – и трогательно закусила губу. Не помню, чтобы прежняя Ира была на такое способна. Эта оказалась мягче и на самом деле куда больше напоминала светлую эльфийку, а не девочку-пацанку из лагеря степных наемников. Но их различия я смог осознать только теперь, когда понимал, что это уже совсем другая Ира.

– Мы тоже вас ждали, – вмешалась в разговор Рим-Доль.

– Скажите, Ингианиса, а как он называет вас? – прямо спросил я.

Темная не растерялась. Улыбнулась мне хитрой улыбкой знатной заговорщицы и ответила:

– Инга. А моего мужчину Андрей зовет Марфой. Мне сказали, что в их мире это женское имя, но, как ни странно, ему очень идет.

– Марфой? – уточнил я, перебирая в голове возможные варианты. Я неплохо знал студентов-старшекурсников, ведь сам преподавал именно у них. Наконец сообразил: – Марфинус.

– Да. – Она покладисто кивнула и, помедлив секунду, произнесла: – Психолог нам очень помог. Очень, – повторила с нажимом, – поэтому я пришла предупредить его и потом собиралась навестить вас и сказать, что Великая Мать Дома Рим-Доль высказала пожелание посетить университет в родительский день. Это возможно?

– Я сяду, если вы не возражаете, – пробормотал в ответ и тихо опустился на последнюю парту ряда.

Студентки выжидающе смотрели на меня. А я все пытался осмыслить услышанное. Ведь если глава Темного королевства посетит наш университет, чего еще ни разу не случалось.

лось, то... И тут я понял, в родительский день тут будет не только Верховная Великая Мать, но и многие другие.

– Вик-Холь? – обратился к Иле.

– Да, наша тоже.

– Еще кто-нибудь?

– Думаю, даже Рутберг-старший придет, Андрей просил позвать всех родителей. После футбольного матча он хочет их собрать и провести родительское собрание.

– Командоры... знают?

– Возможно... – заговорила Ириль, подняла глаза на Илю, словно спрашивала разрешение, та, кажется, кивнула, и девушка продолжила. – Будет серый кардинал Камюэль Барсим, Барсик предупредил меня, чтобы я была морально готова отвечать на вопросы его брата.

– А Барсик сказал брату, что в следующие выходные тут соберется весь цвет темно-эльфийского двора?

– Не знаю, – тихо прошептала девушка. – Вы думаете, было бы лучше...

– Нет, я думаю, что должен был узнать обо всем этом в первую очередь, а не в последнюю. – Конечно, это неправильно – срывать раздражение на студентах, но меня ведь тоже можно понять, разве нет?

– О визите матери я узнала лишь сегодня утром, когда связывалась с ней и делилась впечатлениями от позавчерашнего футбола... – Рим-Доль сделала паузу, словно собиралась с мыслями, и продолжила: – И того, что случилось вчера.

– Я буду поставлен в известность о вчерашних событиях?

– С моей стороны нет. Это касается только моего мужчины и меня.

– Все ясно. Этот купидон-переросток и вам успел подействовать?

– Кто? – изумленно выдохнула светлая, а обе темные с вопросом посмотрели на меня.

Пришлось объяснить:

– Купидон – это их земной бог любви. Обычно его изображают в виде пухленького ребенка с белоснежными крылышками за спиной. Андрей, как вы понимаете, на ребенка непохож.

Теперь настала моя очередь выжидаяще на них смотреть. Первой сориентировалась Вик-Холь:

– И им он тоже помог, вы уже знаете...

– О Барсике и Мурке?

Глаза девушек ясно сказали, что об этом они бы мне никогда не сообщили, если бы не оказался в курсе событий. Теперь понятно, почему я понятия не имел ни об этом их футболе, в который уже благополучно сыграли, ни обо всем остальном. Партизаны, нечего сказать. Молчат и сопят в две дырки, не хуже ассасинов в Первую Набийскую кампанию. Ладно. Пока поговорим о другом.

Я просмотрел на леди Рим-Доль и спросил прямо:

– Какова вероятность того, что Барсик переживет встречу с вашей матерью?

– Ему ничто не угрожает. Могу гарантировать, – тут же ответила она.

Признаться, я был удивлен.

– Даже так?

– Только так. Они с отцом... в своем праве.

– Прекрасно. Иля, тебе есть что сказать? – Я посмотрел на вторую темную. Она отрицательно покачала головой. – В таком случае Ника идет со мной, а вы – на занятия. Все ясно?

Девушки кивнули. Юная светлая подобралась и послушно последовала в одном со мной направлении. Заведя ее в свой кабинет, я отправил к командорам шушара и запер дверь на ключ. Предложил девушке кресло для посетителей, сам сел за свой стол и внимательно на нее посмотрел.

– Сними мерцание, – потребовал мягко.

Она замерла под моим взглядом, потом решительно кивнула и на самом деле мерцнула, я такое видел только однажды. Их процесс перевоплощения на самом деле имеет мало общего с трансформациями оборотней. Разве что можно найти несколько схожих черт с видоизменениями драконов.

Теперь на меня смотрели желтые глаза молоденькой мерцающей. Вздохнув, я откинулся на спинку кресла и уже не потребовал, а попросил:

– Расскажи все, что, как тебе кажется, ты можешь рассказать, не предавая своих друзей.

Она удивилась такой формулировке, но, помедлив несколько секунд, попыталась объяснить, с чего начало существование это их тайное общество. Мне ничего не оставалось, как слушать и удивляться. Все-таки не зря в мире Андрея существует поговорка: «Век живи, век учишься». Похоже, пришло мое время на старости лет научиться чему-то путному.

Андрей

Сидел, смотрел на Ира, который устроился напротив меня. Как только Карл ушел, мерцающий шустро занял освободившееся место. Мне о многом хотелось его спросить. А если хочется, то почему бы не сделать?

– Правда, что у вас дети... ну как фонтанчики, если в первый раз неправильно мерцнули?

– Ты думаешь, я ему тут врал? – почти прорычал Ирриган, и я окончательно пришел к выводу, что товарища секретаря пора привести в чувство. И напомнить, кто есть кто.

– Ир, прекращай. Я знаю, что ты уже не в пограничном состоянии, а в нормальном. Что за истерики, не пойму?

– Не поймешь? – почти выплюнул он мне в лицо и резко отвел взгляд. А потом и вовсе подорвался с места и принялся возиться с чайником. Да, хорошая мысль, я бы тоже сейчас чайку тяпнул.

– Послушай, не знаю, почему ты с Карлом начал откровенничать, но я ведь тут ни при чем, правда? Ты сам ему все рассказал... – Он резко швырнул в раковину металлическую крышку. Та так задребезжала, что я невольно осекся. Да что с ним вообще происходит? Я ведь ничего особенного не сказал!

Мерцающий, не поворачиваясь ко мне, уперся руками в кухонный стол, наклонил голову и тихо произнес:

– Ты хоть понимаешь, что они тебя чуть не угробили? Да как им вообще могло прийти в голову такое лечить?! – воскликнул Ир и со всей дури треснул кулаком по столешнице. «Так и расколоть может!» – подумалось отрешенно. Похоже, Карл ему много чего обо мне нарасказывал. Вот черт!

– Ты правда любишь их даже такими? – так и не дождавшись от меня ответа, негромко спросил мерцающий и беспомощно добавил: – Не представляю, как так можно...

– Они мои родители, Ир. – Получилось почему-то тихо и хрипло. Все просто, меня изнутри жег стыд. За них... за себя... Поэтому я продолжал говорить. Пытался отгородиться словами: – Моя семья. Понимаешь? И да, я...

– Они чуть не изуродовали тебя, сначала морально, похоже, физически тебе тоже от папаши досталось!

– Но только благодаря им я вырос таким, какой есть. И все, что я успел сделать у вас... без всего того, что сотворили они, было бы невозможно. Подумай об этом.

Он резко выдохнул и плавно повернулся ко мне. Окинул внимательным, цепким взглядом. В первый момент даже пришлось подавить недостойное желание поежиться, но я справился.

– Поэтому я рассказал Карлу, как у нас относятся к детям, – наконец произнес Ир.

– Понимаю, – медленно проговорил я.

– Объясни, – в его голосе уже не осталось прежних требовательных ноток, – просто объясни, почему ты их не ненавидишь.

Я помолчал. Голова в первый момент показалась звенящей и пустой. Потом появилось чувство, что слова, которые вдруг начали слетать с губ, полностью минуют разум.

– Наша религия осуждает такие связи. Но дело не только в ней. Мы семьдесят лет жили без церкви и Бога, так как у нас в стране был особый, социалистический строй. Коммунизм мы так и не построили. Но беда этого периода в том, что правили нами тираны. В тюрьмах перебивало полстраны, если не больше. Отсюда особый, зэковский склад мышления. В Европе такие связи не новость, в Америке тоже, и уж тем более в Японии, где издревле в этом не видели ничего зазорного. Но не у нас. Здесь, в этой стране, любовная связь между мужчинами – жесточайше табуирована. А я... я проиграл тогда в противостоянии с отцом. Он все равно вынудил меня поступить так, как он хотел. Запихнул в эту чертову шарагу... мне хотелось бунтовать. Наверное, все дело в том, что я просто не придумал никакого лучшего способа. Помню, как отчаянно желал, чтобы отец отстал от меня. Отрекся, вышвырнул на улицу, все, что угодно, только чтобы больше не лез ко мне... Совсем. – На последнем слове голос резко сел и оборвался. Я на мгновение закрыл глаза ладонью. Глубоко вздохнул.

– Понял, – тихо произнес Ир. И я почувствовал, как он гладит меня по голове. И когда только успел встать и подойти? Но от этого незатейливого прикосновения стало легче дышать. Вот и вся правда. Друг всегда поймет друга, и в этом пусть маленькое, но счастье. Разве я не прав?

Потом мы молчали. Долго. И, возможно, продолжали бы молчать, если бы на плите не закипел чайник без крышки. Ир привычным движением отключил газ. Встретился со мной взглядом и вдруг сказал:

– Мне хочется кого-нибудь убить. – Увидел что-то в моем ответном взгляде и поспешил успокоить: – Не волнуйся, твоим родственникам я ничего не сделаю. Только потому что они твои. Просто это чувство в последний раз посещало меня, когда я только поступил в университет и, как Умка, осознал, что все написанное в рекламных проспектах про равенство рас и равные возможности на всех стадиях обучения – это чушь. Вот тогда было туго.

– Ир, я тебе все это рассказал вовсе не затем, чтобы ты меня жалел.

– Знаю, – просто сказал он и отвернулся, чтобы заварить для нас обоих ароматный чай.

Кажется, Ир выбрал зеленый с мятой. Вкусный. Я часто его покупаю, так как он у меня долго не задерживается.

На душе было как-то нехорошо. Ирирган поставил передо мной дымящуюся кружку. Сел на стул с противоположной стороны стола. Сделал крохотный глоток из своей кружки и прикрыл глаза. У меня вырвался какой-то непонятный рваный вздох. Зачем я начал в этот момент говорить, и сам не знаю.

– Иногда мне становится страшно. В вашем мире это происходит все чаще. Боюсь, что снова отключусь, как тогда. Просто засну и уже не сумею проснуться. Я ведь две недели в коме провалялся. Помню, как мне не хотелось жить, да и вообще хотя бы просто встать с постели, когда пришел в себя. Навсегда запомнил это чувство отрешенности и апатии. И это меня пугает. Странное все же существо человек, даже когда полная клиника и ты в такой заднице, что уже не выбраться, все равно цепляешься за жизнь из последних сил, карабкаешься, зовешь на помощь, даже если знаешь, что не помогут. Некому помогать.

– Теперь есть, – тихо обронил Ир, снова поднес к губам свою кружку и вдруг сказал, пряча свои бесстыжие кошачьи глаза за паром, поднимающимся от горячего чая: – А еще я сказал Карлу, что будет просто замечательно, если ты не по местным клубам станешь шляться и парней-девчонок снимать, а выберешь для себя кого-нибудь из нашего мира.

– Ир... – чуть не обжегшись собственным чаем, который тоже решил попробовать, укоризненно выдохнул я.

– Это так, к слову. Чтобы ты не расслаблялся, – пропело мерцающее чудовище и, уткнувшись в кружку, спрятало хитрющую улыбку.

Зараза! Нельзя же так, меня – больного и несчастного – со всех сторон обкладывать и гнать прямой наводкой в капкан. Казалось, мы этот вопрос уже прояснили. А если он не понял, то самое время вправить кое-кому его мерцающие извилины!

Ир

Оставшийся день прошел на удивление спокойно. К провокационным вопросам мы с Андреем больше не возвращались. Он звонил друзьям и расспрашивал про какие-то курсовые, – судя по всему, спешил все выяснить до того, как прокол пространства-времени в исполнении Карла и Лучистого войдет в последнюю стадию и не только лишней день недели начнет пропадать, но и все местное время для нашего психолога закольцуется. Странно даже, что он не стал меня подробнее об этом расспрашивать. Хотя если вспомнить, каким для нас обоим было начало этого дня... Я отогнал от себя ненужные мысли и снова уткнулся в экран монитора. Да, лучше даже не вспоминать.

И все же к вечеру Андрей одумался и решил узнать все подробности.

– Ир... – протянул он, войдя в комнату и помявшись у меня за спиной.

Я был занят и по-настоящему увлечен. В такие моменты меня лучше не отвлекать.

– Ир! – позвал Андрей более настойчиво уже с кровати, на которую плюхнулся.

Я понял, что он от меня не отстанет, и, крутанувшись в кресле, повернулся к нему. Вопросительно выгнул брови.

– Скажи, это что же получается, если я в последний раз выходил в свой мир осенью, в конце сентября, то и вернусь в то же время, сколько бы у вас ни прожил?

– Да.

– А если кому-то из моих друзей приспичит мне позвонить?

– Андрей, – терпеливо начал я, – время для них остановится на то время, пока ты станешь находиться у нас. Они смогут тебе позвонить, только если ты проведешь хотя бы несколько часов за пределами квартиры, понимаешь?

Он задумался, уставился куда-то в стену, потом снова начал смотреть на меня и смотрел до тех пор, пока я не вернулся к тому, от чего он меня оторвал, в частности к начальным главам диссертации.

– Насчет твоих матримониальных планов на меня... – быстро проговорил он, и я лишь через пару секунд понял, что таким образом он пытается замаскировать собственные неуверенность и смущение. Ничего себе! Оказывается, даже такой продувной тип, как он, способен смущаться! – Не уверен, что готов в ближайшее время снова заводить долгоиграющие отношения, – сказал он, нервным жестом пригладив волосы.

Любопытно. Еще пару дней назад я бы, наверное, в очередной раз взбесился от того, что психолог нарочито игнорирует все мои благородные порывы. Я ведь для него же старался. Мы ведь друзья, да? Мне, конечно, в новинку такие отношения, как-то не принято у нас даже в мерцаниях особо обольщаться и к кому-то серьезно привязываться, но Андрей – совсем другой случай. Он сам напросился. И все равно я не чувствовал раздражения. Поэтому, вместо того чтобы кинуться на него, снова крутанул на своем кресле и объявил, сделав вид, что полностью поглощен информацией, высветившейся на мониторе:

– Можно и недолгоиграющие. Не проблема. Никто же не говорит, что вас после первого поцелуя сразу же поведут к алтарю.

– Ир! – О этот его незабываемый тон! С трудом удалось сдержать улыбку.

– Зря отказываешься. Тебе ведь понравилась та Ирина, которая из меня получилась. Ну так у нас десятки таких девушек по университету ходят. Даже лучше.

– Ир!

– И если ты продолжишь точно так же тянуть мое имя, я громко заржу, предупреждаю сразу, чтобы потом не обижался.

– Что?! – заревел он, и я честно исполнил свое обещание, захохотал в голос. Мне совсем не было стыдно так откровенно над ним издеваться. Можно подумать, я себя лучше чувствовал, когда он надо мной измывался при посторонних, мне хотя бы хватало такта не делать это прилюдно!

– Зараза ты мерцающая, – бросил он, – вот уйду обратно к родителям жить! – пригрозил. И прежде чем я успел осознать, что творю, с губ сорвались слова:

– Да ты им и даром не нужен! – И тут же прикусил язык. Забыл и про компьютер, и про свои графические наброски эскиза готового изделия. Резко повернулся в сторону Андрея, поймал его колючий взгляд.

– Ниже пояса, знаешь ли, – обронил он, и теперь стало стыдно мне. Я почувствовал, как кровь приливает к лицу и дергаются уши.

Посмотрел на Андрея и не смог извиниться. Язык не повернулся. Стыд сковал голос. Кажется, меня даже начало знобить. Зажмурился и попытался взять себя в руки. Не получилось. Но все мои терзания прекратились, как только я услышал его вопрос:

– Ир, как думаешь, стоит завтра пригласить Карла на гневотерапию? Ну просто никто из нас ему так всего и не сказал. И наверное, лучше будет, если он сам все увидит. А то еще обидится, что мы снова от него все самое интересное скрываем.

– С чего ты взял, что ему командоры не рассказали?

Андрей насмешливо фыркнул и объявил:

– С того, что еще пару дней назад наивно полагал, что на футбол сбежится хоть сколько-нибудь постороннего народа. А оказалось, эти ушастые конспираторы такие тайны мадридского двора развели, что мне в первый момент даже как-то не по себе сделалось, хорошо, хоть на Ингу отвлекся.

– Ты серьезно думал, что кто-то мог узнать о матче, если ты заранее не сказал ребятам о своих планах?

Он потупился. Все ясно. Придется раскладывать по полочкам.

– Почему, по-твоему, Фа так легко всем продемонстрировал, кто он на самом деле, и рассказал про Гарри? Да потому, что «колокольчики», в отличие от некоторых, прекрасно усекли, что командос дружно землю носом рыли, чтобы никто посторонний об этом мероприятии не узнал. И не потому, что боялись, что их кто-нибудь обвинит в нарушении межвидовой субординации, а потому, что за командоров волновались. Сам же знаешь, кто у нас Барсик и кто Мурка. С Муркой, если верить Инге, теперь проще, а вот с Барсиком все непонятно. Кстати, ты в курсе, что к нам на родительский день собрался приехать его братец?

– Да, слышал вчера что-то такое... – растерянно отозвался Андрей, пытавшийся осмыслить сказанное.

– Помнишь, кто он?

– Что-то вроде советника при императоре, да?

– Ага... – скептически протянул я и весомо припечатал: – Серый кардинал, не меньше.

– Понятно, – подозрительно задумчиво протянул Андрей.

Я сразу же насторожился, так как уже знал, о чем говорит такой его тон. Он, похоже, что-то серьезно обдумывал.

– И что же тебе понятно? – с ехидцей уточнил у него.

Андрей дернулся, словно очнулся от собственных мыслей, и глянул на меня с хитрым прищуром.

– Предлагаю устроить широкую пиар-компанию, сделать так, чтобы к нам пришло больше народа, чем на все их магические бои, вместе взятые. Что скажешь?

– Скажу, что, пожалуй, поддержу твою идею. – Я в свою очередь улыбнулся, уже обдумывая, как можно наводнить университет невероятными слухами о предстоящем действе, но тут Андрей снова меня огорошил:

– Кстати, не планируешь ли ты и эту ночь провести за чтением развлекательной литературы?

– Что, соскучился? – мгновенно среагировал я. Думал, что на этот раз подловил его. Ошибся. Какой же наш психолог изворотливый.

– Не-а. Просто решаю, стоит ли приготовить на завтра торжественный спич. А то выползешь в таком же непотребном состоянии, а потом придется с Карлом или еще с кем-нибудь объясняться. Мне сегодня Лукерья хватило по самое не могу.

– Скотина ты, – рыкнул, обидевшись, что он припомнил, каким заспанным и почти невменяемым я был утром, когда к нам заявился Таинственный, и отвернулся к монитору.

Андрей засмеялся и ушел в ванную. Вернувшись, он так и не извинился, молча забрался в постель и уснул. А я мог бы себя всю ночь накручивать, если бы в первом часу не вспомнил, что сам еще тот гусь. Я ведь тоже так ничего ему и не сказал, хоть и собирался. Поэтому мне ничего не осталось, как отключить компьютер и забраться под одеяло к горячему, как печка, товарищу. Так что кто тут у нас главная грелка – еще спорный вопрос.

Андрей

Утро было незабываемым. Нет, пробуждение и завтрак прошли по стандартному сценарию, но стоило нам с Иром выбраться в класс... Да, похоже, вчера ребята сделали все, чтобы меня не беспокоить, но, как только увидели живым и даже посвежевшим, словно с цепи сорвались. Во всяком случае, так утверждал Ир, все же запихнувший в меня вместо утреннего чая ту хрень с непроизносимым названием, из которого я запомнил только мусь-мусь. Причем выпить заставил все и сразу.

Иля набросилась на меня с расспросами о самочувствии, Ника принялась петь дифирамбы Карлу, который с ней вчера так поговорил, что юная мерцающая уже и думать забыла о всех предыдущих коварных планах их тайного общества. Том изнывал и маялся тем, что не его очередь отправляться на гневотерапию. О чем речь? Да о том, что по вторникам у моих ребят стояло две пары Корешеля подряд. Вот только последнее время они спали и видели, как бы с них втихую слинять и всем собраться в зале для гневотерапии. Просто после занятий теперь далеко не всегда удавалось скучковаться по причине интенсивных тренировок, связанных с жаждой темных одержать реванш над светлыми. А те в свою очередь отчаянно не желали проигрывать и уступать пальму первенства.

Фа неожиданно объявил, что его отец с радостью встретится со мной в том харьюсском кафе, где «колокольчики» меня впервые выгуливали за пределами университета. Гарри замялась и сказала, что ее мама тоже. И тут же попросила не удивляться ее юности, так как драконы, что очевидно, стареют совсем не так, как люди или даже эльфы.

Дальше – больше. Машмул, все утро крутившийся возле меня, как та еще наседка, попытался ненавязчиво выяснить что-то насчет моих планов на его женушку. Когда я, устав от его постоянного мельтешения перед глазами, объявил, что особых планов у меня нет и единственно верной мне кажется следующая тактика – разбираться с проблемами по мере их поступления, тут же взвыл уже не Машмул, который, к слову, растерялся от моего ответа, а Алып. Даже за голову схватился и горестно спросил, как я могу так легкомысленно относиться к чужим чувствам. На что Машка тут же рискнул у него уточнить, не о своих ли чувствах печется светлый. Получил ответ: да, о своих – и чуть прямо там не сел на пол.

А потом в класс ввалился Умка. Да не один, а с довеском. Мое счастье, что в тот момент я был еще не в курсе того, что светлая эльфийка, павой вошедшая в двери, это ни много ни мало декан факультета классической магии. Окинув нашу разношерстную компанию холодным взглядом, она обратилась ко мне. Гостью интересовало, правда ли Умка согласился работать на нас по собственному желанию, не принудили ли его мои «колокольчики». Вот это был удар под дых. Благо со мной рядом оказался Ир, которого, как я понял по глазам женщины, она точно не ожидала тут увидеть. Он и разрулил ситуацию, уточнил, кто мог сказать ей такую глупость и что послужило основанием для ее недоверия по отношению к собственному студенту, который, если верить взгляду переминающегося с ноги на ногу Умки, уже успел ей все уши прожужжать о том, что никто его не принуждает.

Женщину звали Микалая Эльфир Земная. Но представили мне ее только после того, как я громким шепотом поинтересовался у Ира, что это за барышня и с чем ее едят. После таких слов меня удостоили просто ледяным взглядом, но процедуру знакомства, которой спешно занялся Ир, декан, стоит отдать ей должное, выдержала с честью. Правда, растерялась, когда я подал ей руку. Но Том – вот неугомонная душа! – сразу же вякнул со своей задней парты, что с девушками вроде как за руку не здороваются. На что я ответил, что здороваюсь не с девушкой, а с суровым деканом. И добавил, что такого сурового мужика, как она, еще нужно поискать. Я в тот момент куражился, поэтому мысль о том, что сейчас меня будут убивать без суда и следствия, отрезвила слишком поздно. Но, как ни странно, женщина неожиданно улыбнулась. «А вы интересный...» – сказала она и вышла в коридор, оставив Умку тарашиться на меня со священным ужасом в глазах.

Пришлось пожать плечами, сдать полуневменяемого гнома на попечение Иру, а самому снова сосредоточить внимание на «колокольчиках».

Классный час на этот раз оказался на удивление информативным. Я смог пообщаться с Томом, который наконец просветил меня на тему его отношений с отцом. Оказывается, Рутберг-старший считался сильнейшим человеческим магом своего поколения. Он жил и нес службу на восточной границе Федерации княжеств, то есть в непосредственной близости от пустыни Наби, откуда происходил Фа. Так вот, сам Дэниз Рутберг происходил из самородков, в свое время изучал магию исключительно в походных условиях, но так и не получил никакого классического образования, поэтому задался целью воплотить в сыне свои так и не сбывшиеся когда-то мечты. Да, он был самым мощным магом-стихийником, но никакого диплома так и не получил. Да и зачем диплом боевому магу, как любил, по словам Тома, говаривать его папаша. Но сына Рутберг-старший отправил учиться с жесточайшим наказом не посрамить честь семьи. И вести себя прилично. Вот из-за этих понятий о приличиях у них и нашла коса на камень. Тому претило желание отца казаться лучше, чем он был на самом деле. Претило делать так, как хотелось Рутбергу-старшему. С одной стороны, проблема выеденного яйца не стоила, но все мы знаем вечную историю отцов и детей, не так ли? Собственно, с этим мне и предстояло разобраться. Я очень надеялся, что смогу побеседовать с Дэнизом уже в эти выходные.

Дальше мы говорили с Машкой, который, пока остальные веселились, возились с котятами и шумно обсуждали футбольные эльфийские будни, сдавленным шепотом поведал мне, что же у него не так с женой. На первый взгляд все обстояло плохо. Очень плохо. На лицо были полное непонимание и подчеркнутая жестокость с ее стороны и отторжение и тихая ненависть с Машкиной. К тому же я бы сам не поверил, если бы не услышал этого от него, но наш Машмул, как оказалось, отчаянно хотел хотя бы изредка видиться с единственной дочерью и общаться с ней. Но жена отчего-то не позволяла ему этого. Пришлось подозвать Илю и выяснить все наверняка. Оказывается, у темных вообще не принято подпускать отцов к детям. Просто беда с ними.

С этой безрадостной ноты я как-то незаметно переключился на другой вопрос. Меня интересовала Инга. Как у них там с Марфой все прошло? Изменилось хоть что-нибудь? Или все осталось на той же стадии? Вот от этого вопроса лицо Или изменилось. Взгляд засветился лукавством и потаенной радостью.

– Она просила передать, что благодарна тебе за все. Кстати, Алый уже составляет черновой вариант договора о перспективах сотрудничества по вопросам поставки благовоний и прочих ароматных средств в Темное королевство.

– Серьезно? – искренне порадовался я за светлого. – Значит, его можно поздравить? – и покосился на Алиэля, ревностно наблюдавшего за нами с другой стороны класса.

Тот сразу же отвернулся. Похоже, он не столько за всеми нами присматривал, сколько следил за Машкой. Беспokoился. Значит, уже подружились. А ведь, когда я только пришел в этот мир, они были чуть ли не смертельными врагами. Ну и что же мне теперь делать с приглашением для Машкиной жenuшки? Не отменять же, правда? Но и как их помирить, ума не приложу.

Но я решил пока этим не заморачиваться. И отвлекся на Гарри, которая с восторгом рассказывала Ульке и Тому о том, как летала к родителям Фа и как ее приняли в Пустыне. Оказывается, драконы прямо в полете легко могут перемещаться в пространстве. Фа сидел рядом и тихо гордился своими сородичами, которые так благосклонно приняли выверну, принесшую от него отличительный знак. Слово за слово – и Гарри случайно обмолвилась о том, что дом Фа похож на маленький оазис посреди пустыни, вот тогда оживился наш гном-мелиоратор. И принялся расспрашивать Фа, как у ифритов обстоят дела с магической мелиорацией. Ответить тот не успел, поскольку прозвенел звонок.

Ребята стали с неохотой собираться, уходить из нашего уютного класса никому не хотелось. Но их ждали другие пары. Так что очень скоро кроме котят в классе остались Умка, Ир и я. Мерцающий тут же оживился и чуть ли не пинками выставил меня за дверь. Почему? Да просто вспомнил о вчерашнем разговоре и потребовал, чтобы прямо сейчас позвал на гневотерапию Карла. Когда я уже в дверях обернулся и поинтересовался, а чем он сам планирует заняться, они с Умкой хитро переглянулись и сказали, что будут готовиться к завтрашней презентации проекта по мелиорации. О, тут уж я застриг ушами, как бывалый эльф, конечно если выразаться образно. Но меня внаглую выперли из аудитории. Пришлось тащиться к Карлу.

Я был так поглощен своими мыслями, что уже привычно промаршировал через пустую приемную с девственно чистым секретарским столом и ввалился в кабинет ректора без стука. Вот тут-то и пришла моя смерть.

– А вот и он! Легок на помине! – воскликнул Корешель, обернувшийся на меня из кресла для посетителей.

Ректор, судя по всему, заметивший, как в этот момент изменилось мое лицо, поспешил сотворить для меня отдельный стул. Но я и не подумал его занять. Просто осторожно приблизился и вопросительно посмотрел в глаза Карла, мимоходом покосившись на преподавателя магических единоборств.

Карл кашлянул. Уже это сказало о многом. По спине пробежал неприятный холодок. Что же могло случиться?

– Видишь ли, Андрей, Корешель недоволен твоим классом и очень хотел бы знать, чем твои «колокольчики» так заняты на своей гневотерапии, если приходят к нему на занятия как на каторгу и только мечтают о том, чтобы слинять?

Я глянул на одного, потом на другого, последнему приходилось выворачивать шею, чтобы видеть меня. Вздохнул и решил, что лучше все прояснить сразу, чем танцевать вокруг да около.

– Насколько вы ему доверяете? – Я, не стесняясь, кивнул на Корешеля, потом посмотрел в глаза ректору.

– К чему этот вопрос?! – тут же взвился полуэльф, но ничего предпринять не успел. Карл жестом потребовал, чтобы тот успокоился, и тихо спросил:

– Андрей?

– От вашего ответа зависит, поведу я вас обоих в зал для гневотерапии или пойдете только вы.

– Я и сам мог бы туда попасть, без провожатых, – недовольно пробурчал преподаватель магических искусств, на что я только головой покачал:

– И ничего бы не увидели. Впустить бы вас ребятаки впустили, но ни в жисть не показали бы лишнего.

– А с тобой покажут? – тут же спросил у меня Корешель.

– А Карл может тебе доверять?

Глава третья

Пушистый Шмель на клубничный хмель...

Андрей

В принципе я не сомневался, что Карл возьмет его с собой. Вот честно, Корешель мне давно был чем-то симпатичен. Достаточно вспомнить наше с ним первое знакомство, когда он сначала скривился, когда понял, что я ни фига не смыслю в его высоком воинском искусстве. А потом безоговорочно принял меня таким, каков я есть, когда оказалось, что мне и необязательно уметь махать мечом, поскольку я интуитивно чувствую, что кого-то из ребят можно составить в пары, а кто-то, например Иля, способна одна выстоять против троих. И все равно я немного нервничал, когда вел их к залу для гневотерапии, на подземные этажи главного корпуса. Откуда тут взялись эти подземелья, если весь университетский городок стоял на реке, понятия не имею. Но для меня в этом мире многое из несуразного и необъяснимого объяснялось очень просто – магия. Я в ней смыслил еще меньше, чем в оружии, поэтому даже не заморачивался на этот счет.

Мы спустились на подземный этаж на памятном лифте. Причем чувство невесомости, от которого я как-то уже успел отвыкнуть, ведь в последнее время Ир таскал меня по территории университета исключительно с помощью своих порталов, так вот, чувство невесомости оказалось приятным. Я даже улыбнулся, испытывая ни с чем не сравнимый подъем сил. Очень вовремя вспомнился напиток, которым меня чуть ли не силком напоил утром мерцающий. Мусь-мусь. Название идиотское донельзя, но на вкус эта штука оказалась очень даже ничего. Правда, немного горчила, но пахла не как кофе, а как что-то морозно-свежее, отдаленно напоминающее ментол, лимон и мяту одновременно. В общем, мне понравилось. И теперь я точно знал, что завтра утром уже не откажусь от подобного допинга.

В общем, подошли мы к двери. И ректор, и Корешель всю дорогу о чем-то напряженно думали. Наверное, Карл немного, но злился. Получается, и о гневотерапии он не ведал ни сном ни духом. Надеюсь, поймет, что в первую очередь виноват в сложившейся ситуации сам. Если бы ректор изъявил желание посмотреть, что да как, я бы без лишних проволочек привел его к ребятам. То, что он у нас мужик хороший, я понял еще в свой первый день в этом мире. Но Карл ведь так и не удосужился поинтересоваться, чем я занят и каковы успехи у «колокольчиков». А вот молчание Корешеля меня, признаюсь, напрягало. К тому же я все никак не мог сообразить, как мне его имя поудобнее сократить. А то у меня тут все, кроме него, щеголяли с кличками. При этом звать его просто «корешем» мне почему-то совсем не улыбалось.

В таком вот странном настроении я вместе с ректором и полуэльфом подошел к окантованным дверям. Постучал условным стуком. И несколько опешил, когда дверь открыл не кто-то из ребят, а Барсик собственной персоной. Растерялись мы с ним – ведь точно так же, как я заметил за его спиной Мурку, светлый увидел за моей ректора. Наверное, мысли у него были схожи с моими. Пришел конец, которого не ждали.

Минутная заминка – и Барсик все же посторонился. Я протиснулся мимо него внутрь. За мной вошел Карл, последним мимо командора прошмыгнул полуэльф. Обернувшись, увидел, какими квадратными глазами Тарэль на него уставился. А полуэльф к тому же скорчил виноватую мордашку и заявил:

– Я только на минуточку. Посмотрю, куда это все пошли... – Не знаю, на самом ли деле его слова совпали со словами шакала из «Маугли», или это глюк моего переводчика, но после этого я окончательно понял, что с Корешелем мы подружимся – это раз. И два – я придумал, как стану его называть.

Собственно, после этого был полный абзац или, как я говорю, картина маслом. Корешель и Карл посмотрели в глубь зала-пещеры и застыли как вкопанные. Ну еще бы!

Гарри в своем драконьем виде наступала на Илю и Алого. Причем за всем этим действием наблюдал Том и внаглую раздавал указания. Тут же рядом наш огнетелый Фа наседал на Ульку и Кара. Последний при этом вращал в руках не двойные клинки, которые я видел на занятиях у Корешеля, а какую-то тонкую цепь с гирей – или как называется эта круглая штуковина с шипами по всему периметру? – в общем, мне на ум пришел только моргенштерн, правда, почему-то казалось, что его навинчивали на что-то типа стержня, тем самым создавая палицу.

В общем, зрелище оказалось знатным. При этом чуть в стороне от всех Ника с Лией тискали Бандита. Точнее, пытались тискать, но делали это предельно осторожно, – по всей видимости, уже были знакомы с его когтями. А Машка рядом с ними с восторгом смотрел на то, как Алый в компании Или отбивается от золотой выверны. Собственно, это все. Но, глянув на Карла, я понял, что сейчас будет большой бада-бум.

Ректор медленно выдохнул и повернулся к нам с командорами. Открыл рот, чтобы высказать все, что он по этому поводу думает, но тут громогласно воскликнул Корешель:

– Да, кто же такому учит! Ты с ума сошел! – накинулся он, как ни странно, не на меня, а на Тома. Тот обернулся, увидел учителя по магическим единоборствам и чуть было не сел на пол от неожиданности. Разумеется, все ребята тут же устали на полуэльфа, который подскочил к Тому и принялся горячо втолковывать: – Да она же так крылья повредить может! Прежде чем командовать, хоть бы книжки какие-нибудь по драконам почитал!

Ну, в общем, я понял, что теперь они там уже как-нибудь сами разберутся, поэтому все свое внимание обратил на ректора. Тот тоже какое-то время смотрел на ребят и беснующегося от возмущения Корешеля, потом снова повернулся к нам. Командоры подобрались, я робко улыбнулся. Как там говорят – даже если вас съели... Вот сейчас нас, кажется, будут есть без соли и перца.

– Мы ведь вчера все с вами прояснили, – помедлив, накинулся Карл на командоров. – Вы оба подтвердили, что рассказали мне все, что было известно. А это что тогда? – И он махнул рукой в глубину пещеры, где Корешель продолжал наседать на ребят.

– Это была не наша тайна, – брякнул Барсик, но был удостоен такого взгляда, что заткнулся на полете.

Мурка, судя по всему, счел за благо промолчать и не лезть на рожон. Тогда ректор вспомнил о главном виновнике сего безобразия, то есть обо мне. Под его взглядом я честно попытался потупить, ибо чувствовал себя как последний нашкодивший в хозяйские тапки кот.

– Карл, но я ведь говорил, что расскажу... если бы ты спросил раньше... – выдавил из себя, но, видимо, не помогло.

– Вы с Иром вчера со мной откровенничали о чем угодно, только не об этом.

– Ну да. Как-то к слову не пришлось.

– А должно было прийтись!

– Да ладно тебе, ничего ведь такого...

– Иля сказала, что ты всех родителей на собрание созываешь, – вдруг бросил он раздосадованно и почти зло, и до меня дошло, что его так напрягло во всем происходящем, но ректор уже продолжал: – Ты понимаешь, что может произойти, если кто-нибудь из темных или светлых поймет, с кем учится их дражайшее чадо. К тому же среди твоих родителей еще и Глава Ордена Драконоборцев. Разве ты не знаешь?

Разумеется, он имел в виду родителей Фа и Гарри. А Глава Ордена – это было сказано про папу Ульки. Ух!

– Конечно, знаю, – ответил я и открыто улыбнулся, – но ты зря так переживаешь, мы с родителями Фа и Гарри встретимся уже после родительского дня, в городе.

– В городе? – Черты лица Карла разгладились, он уже не выглядел таким сердитым.

– Да, там есть изумительное кафе. Там я с ними и пересекусь. Чтобы обсудить, что да как.

– Ну хоть на это ума хватило.

– Я вообще очень умный.

– Ага, – встрял Барсик и сказал в сторону: – Задним умом.

– Барсим, а что с Камюэлем? – спросил у него ректор и куда более благосклонно посмотрел на всех нас.

– Я... – светлый запнулся, – сам с ним поговорю.

– Мы поговорим, – неожиданно вмешался в разговор молчавший до этого Мурка и решительно положил руку на плечо светлого. Тот – о чудо! – не заорал благим матом, а благодарно кивнул. Похоже, приручение строптивного Огненного шло полным ходом.

– Барсик, по-моему, у тебя типичный комплекс младшего брата, – не утерпев, встрял я. Светлый картинно закатил глаза к потолку.

– О да, про то, что я для тебя один ходячий комплекс, я уже понял. Не надоело еще, нет?

– Не-а. Ведь это на самом деле так, – объявил я и принялся объяснять: – Судя по всему, у вас в семье им всегда восхищались и прочили просто великолепную карьеру, а ты завидовал. И всегда мечтал превзойти брата. Что мы теперь имеем? Он при императоре, а ты тут. Весь из себя такой родовитый, простых деток стережешь.

– Простых? – тут же взвился Барсик и чуть не кинулся на меня, но Мурка его удержал. За что ему огромное спасибо. Все же нашего Огненного с его горячим темпераментом регулярно заносило.

– Андрей, ты неправ, – вдруг встал на защиту Барсима ректор, – у нас поначалу несли службу самые обычные отряды со своими командирами, но очень быстро стало ясно, что с детками высокопоставленных родителей они справиться не могут, так как боятся лишний раз разгневать их высокородных родственничков. Поэтому мы обратились к главам обоих государств с просьбой выделить нам таких командоров, которые не испугались бы прижать этих деток к ногтю.

– Я-то все это понимаю, – признался ворчливо, – но Барсик все равно нервничает по этому поводу, разве не так?

– Нервничал, – отведя глаза в сторону, неожиданно покладисто согласился тот и едва заметно улыбнулся, – но сейчас уже не жалею, что все сложилось так, как сложилось.

– Так не стесняйся тогда, скажи об этом брату!

– А кто говорит, – он повернулся ко мне и посмотрел с хитринкой, – что я при первой же встрече ему об этом не поведаю?

– Ну, – быстро нашелся я, – ты ведь уже был у него, сам говорил. Что же не сказал?

– Потому что тогда, – он скосил глаза себе за спину, там стоял Мурка, – еще не был полностью уверен.

– А теперь все? Вас можно поздравить? – в лоб спросил я, не посчитав нужным лишний раз миндальничать. Что они – не мужики, не поймут, что ли?

– Можно, – сказал за них обоих Мурзяс и посмотрел на ректора.

Тот философски пожал плечами:

– Не скажу, что одобряю. Особенно выбор Барсима, который не может похвастаться наличием потомков, в отличие от тебя, но, если это ваш выбор, не мне его осуждать.

Темный кивнул. Барсик промолчал. Повисла пауза, но она была недолгой, потому что ее прервал крик Тома:

– Да с чего вы решили, что мы будем делать так, как вам хочется! – Разумеется, он обращался к Корешелю.

– Так, – сказал я, вместе с командорами и ректором повернувшись в сторону спорщиков. – Похоже, настало время вмешаться.

Я уже собирался пойти к ним, когда ректор придержал меня за локоть:

– Андрей, а Ир где?

– А, – махнул рукой, – с Умкой в нашем классе к презентации проекта по мелиорации готовится.

– Умкой?

Пришлось скривиться и обратиться к командорам:

– Я все равно его имя не произнесу.

Но эти коварные личности неожиданно ухмыльнулись и не поспешили мне на помощь, как я рассчитывал. Ректор продолжал меня удерживать, в то время как спор Корешеля с Томом уже перешел в самую горячую стадию и оба спорщика схватились за оружие.

– В общем, – поспешил сказать я, придумав наконец, как выкрутиться, – единственный гном мелиоратор на выпускном курсе.

– Триумвирфар? – изумленно выдохнул ректор, но мне было уже не до того, я быстро кивнул, вырвался и помчался умирять моих горячих парней.

– Том, а ну опусти меч. Опустит, я кому сказал?! – закричал уже на подлете, то есть подбегая к вставшим в стойку Корешелю и Рутбергу. За всем этим с интересом наблюдали остальные «колокольчики». – И ты тоже, – бросил, осторожно положив ладонь на острие меча Корешеля и пригнув его книзу. Учитель скосил на меня глаза, но, что примечательно, меч убрал первым. Тот просто испарился из-под моей ладони.

Выдохнув, повернулся к Тому. Он фыркнул и тоже убрал оружие.

– А теперь давайте проясним происходящее, – объявил я. – Ты, Том, действительно многого не знаешь как о драконах, так и об ифритах, и, как мне кажется, не рвешься узнать.

– Они сами все необходимое могут рассказать! – запротестовал Том.

– Да? – насмешливо уточнил Корешель и бросил долгий взгляд на Гарри, та неожиданно потупилась. Да-да. Понятия не имею, как ей это удалось, но на золотой драконьей морде появилось смущенное и даже пристыженное выражение.

Я вмешался.

– Они оба слишком юные, Том. Тебе не приходило это в голову?

Рутберг изумленно распахнул глаза, обернулся, посмотрел на друзей и снова перевел взгляд на нас с Корешелем.

– Хотите сказать, что я правда...

– Мог навредить ей этой своей командой: «Ударь его крылом!» – припечатал полуэльф, строго посмотрев на него. А дальше продолжил говорить совсем не об этом. – Не стоит думать, что если ты признанная звезда арены, то из тебя получится такой хороший учитель, как ты возомнил!

Глаза Тома возмущенно вспыхнули, но снова обозлиться на полуэльфа я ему не дал, влез с вопросом:

– А что за арена? Я о ней уже слышал, но активно хлопал ушами. Теперь мне интересно.

– А что ты слышал? – поинтересовался Корешель.

– Ну что Том типа на ней самый крутой. Даже Вини на лопатки положил и все такое.

– Вини? – уточнил Корешель.

Я потупился, поэтому объяснять пришлось Тому:

– Виниэльс Шелковый. Он так его сокращает.

– Только его? – живо уточнил полуэльф.

– Не-а, – отмахнулся Том, – всех. Даже Фаль у нас теперь просто Фа.

– Нет, то, что он вас сократил, я в курсе, но старших...

– Барсим – Барсик, Мурзяс – Мурка, – со снисходительной улыбкой начал перечислять Том, – Ирирган – Ир...

– Даже Шутвик?

– Ага. Они теперь лучшие друзья.

– С Шутвиком? – с неподдельным недоверием в голосе уточнил Корешель, заставив меня задуматься, каким же был Ир до встречи со мной, если кто-то настолько сильно сомневается в том, что он способен с кем-то искренне дружить и вообще к кому-то хорошо относиться.

– Да, с ним, – влез я и поспешил вернуть разговор в прежнее русло, – так что за арена? Отвечать мне начал, как ни странно, не Том, а Корешель.

– Об этом никто тебе официально не скажет, но уже много лет вблизи Холёбаска на специальной арене проводятся магические бои без правил. Официально это осуждается, и раз в полгода университет направляет командос вроде как для разгона сего сомнительного мероприятия, но, разумеется, бои утихают на какое-то время, а потом опять продолжают. Большинство мало-мальски сильных магов университета участвуют в них. Рутберг с момента своего поступления и первого выхода на арену считался признанным чемпионом, но сейчас как-то подозрительно забросил это дело и уже несколько недель кряду не просто не выходил на арену, но и не появлялся в числе зрителей. Теперь я понимаю почему. – И он выразительно посмотрел на Тома.

– О да, – протянул я, – им всем и на гневотерапии адреналина хватает, – а потом глянул на Рутберга и прямо спросил: – Твой отец строжайше запретил тебе ввязываться в сомнительные мероприятия. Ты поэтому ввязался?

Том отвернулся. Пожевал губу, словно не решаясь признаться, но все же сказал:

– Меня бесит его двуличие. – Он сообщил об этом без ярости, спокойно и словно бы окончательно. – Будь он на моем месте, первым делом помчался бы на арену бить морды всем и каждому – просто для поднятия тонуса, но так как это я, а не он, то просто невыносимо, насколько мой отец...

– Лебезит перед людьми, получившими, в отличие от него, диплом?

– Думай, что говоришь! – мгновенно ощерился Том. – Мой отец никогда бы...

– И все же дипломированные боевые маги вызывают у него невольный трепет, я прав? – окончательно загнав парня в угол, сказал и понял, что не ошибся.

Том снова отвернулся от нас с Корешелем.

– Да, – с трудом выдавил он. – А еще отец всем хвастает, что я у него такой весь из себя умный и поступил сюда учиться. Но я ведь...

– Совсем не такой.

– Нет, я, конечно, не придурок и так далее... – словно не слыша меня, продолжил Том, – просто...

– Тебе неприятно, когда тебя незаслуженно хвалят, так?

– Да, – тихо ответил парень и опустил глаза в пол, явно пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами. А потом в довершение всего сказал: – Я не паинька, впрочем, как и он сам. Но он считает, что просто обязан вырастить из меня такого интеллигента. Да сдалось оно мне все!

Еще один готов. Вот все и стало на свои места. Знаю я таких папочек, как этот Рутберг-старший. Недаром наш Том такой колючий. Папочка совсем его достал. Ладно, об этом позже. Я сказал:

– Хорошо. С этим прояснили. Теперь насчет отсутствия у тебя должного профессионализма. – Я указал глазами на Корешеля.

Том тут же надулся:

- Почему я не могу их сам учить?
- Потому, что тебе явно не хватает опыта, – припечатал я и посмотрел на полуэльфа. – Но ведь он может быть кем-то вроде помощника, если ему так нравится амплуа учителя.
- Вместо ответа Корешель неожиданно протянул:
- А как бы ты меня сократил?
- Э? – растерялся я.
- Ты ведь всем прозвища придумываешь. Так как?
- О, понял! Расплывшись в улыбке, обронил:
- Шмель. Знаю, что, может, и не очень созвучно, зато подходит. Пушистый, юркий и с жалом...
- В одном месте, – тут же ослабилась Том.
- А какая разница, где жало, главное, что жалит метко, – тут же пропел обрадованный полуэльф и обратился к «колокольчикам», которые чутко прислушивались к нашему разговору. – В общем, кто не знал, моя диссертация когда-то называлась «Основы гипотетически возможных воздушный боев на драконах». Кроме всего прочего, я спроектировал два вида седел – одно на выверну, другое на дракона. И хоть в ту пору казалось просто невероятным, что кто-то из драконов рискнул бы пустить себе на спину ну, скажем, рыцаря, я все равно защищался именно по этой тематике. Поэтому доподлинно знаю, какие приемы можно применять к такому дракону, как ты, Гарилика, а чего проделывать не рекомендуется. – Он сделал паузу, дав ребятам осмыслить сказанное, и весело поинтересовался: – Так что там с моей профпригодностью?
- Сгодится! – неожиданно объявил за всех Улька, широко улыбнулся, подошел к полуэльфу и протянул руку.
- Шмель тут же крепко ее пожал.
- Эй! – разнесся под потолком возглас нашего золотого дракончика. – С чего ты взял, что я позволю тебе меня оседлать? – Конечно же она спрашивала это у Ульки.
- А дальше все просто смеялись. Потому что наш рыцарь – плечистый и крупный парень – обернулся к выверне с таким виноватым выражением на мордочке, что даже традиционно сдержанная Иля прыснула в кулак, не говоря уже про откровенно развеселившихся Алого, Кара и Фа.
- Ладно, – пробурчала Гарри, которая конечно же тоже не осталась равнодушной к выразительной мимике Ульки, – может быть, когда-нибудь.
- Отлично! – вместо рыцаря просиял Шмель и со всей дури хлопнул меня по плечу. Я поперхнулся воздухом. И вытаращил на него глаза. А радостный полуэльф объявил:
- Знал бы, что ты тут такую авантюру проворачиваешь, уже давно бы к вам напросился. Но ничего, сегодняшние две пары потренируемся, а после занятий продолжим.
- Мы не можем после занятий. – К нам подошла Иля, облаченная в уже знакомый мне обтягивающий ее наподобие второй кожи костюм.
- Почему? – искренне огорчился полуэльф, убирая руку с моего плеча.
- У нас тренировка.
- Какая еще тренировка?
- По футболу, – вмешался подоспевший вовремя Альый и посмотрел на меня.
- А я-то тут при чем? – вырвалось непроизвольно, потом, кивнув себе за спину на командоров, я сказал: – У вас тренеры есть, вот у них и спрашивайте, будет сегодня что или они уже передумали.
- Так, – раздался громкий возглас Барсика. – Нечего вносить смуту в ряды капитанов!
- Да, Андрей, что-то ты заговорился, – вмешался Мурка и громко объявил, чтобы слышали все: – Тренировка будет. Даже небольшую дружескую игру проведем.
- И тут в повисшей после воплей темного тишине раздался приглушенный голос Шмеля:

– Ребят, а футбол – это что?

– О! – протянул на это Том, стоявший к нам с Корешелем ближе остальных, хлопнул учителя по плечу и ласково сказал: – А ты приходи вечером на поле, там и увидишь.

– Я тоже приду, – строго проинформировал нас ректор.

– Конечно, господин ректор, – ответила за всех Иля, потом посмотрела на Карла и добавила: – Думаю, вам действительно стоит увидеть это до родительского дня.

– Вот и прекрасно, – довольно обронил Карл, глянул на меня, потом обвел взглядом всех присутствующих и объявил: – Продолжайте урок. Командоры и Андрей, со мной.

Пришлось опустить голову и топать к нему. Когда я подошел, Карл первым делом спросил:

– Скажи-ка, мои глаза не врут, и твои девочки играют с земным котом?

– Ага, – непроизвольно расплывшись в улыбке, подтвердил я. – Барсику на день рождения Бандита подарил.

– Да? – Ректор, который, судя по всему, о наших земных кошках знал не понаслышке, повернулся к светлому командору и полюбопытствовал: – И как тебе Бандит?

– Мне – просто замечательно, – осклабившись, выдал Тарэль и тут же добавил: – А вот Мурке не очень.

– Теперь уже нормально, – пробурчал в сторону темный.

На что светлый не преминул сообщить:

– Ага, после того как ты ему свою собственную комнату на растерзание отдал.

– И где же ты теперь... – начал Карл, но осекся.

– Со мной, – проинформировал Барсик и без того уже догадавшегося ректора.

– Собственно, с этого и началась наша футболотерапия, – встрял я. – Они после первого свидания ночевать отправились в одну комнату, вот светлые командос и возбухли.

– И? – настороженно уточнил Карл.

Я картинно пожал плечами:

– Пришлось усмирять.

– Знаешь, о чем я думаю, – после непродолжительной паузы неожиданно выдал ректор.

Я насторожился. Карл продолжил:

– Зная Ира, как он тебя еще не придушил?

– Говорят, он как-то пытался, – протянул Мурка, обнажив в улыбке острые зубы.

– А мы с Иром в этом плане единодушны, – поддержал темного Барсик и добавил: – Все пытаемся сыграть в игру «Прибей психолога», но Мурка нас не поддерживает.

– Думаю, я тоже скоро стану фанатом этой игры.

– Эй-эй! – наконец смог вставить хоть слово. – А почему сразу я?! И вообще, я ведь ни при чем, честно, вы сами и...

– Пошли уже, непричемный ты наш, – хмыкнув, сказал Мурка и подтолкнул нас с Барсиком к двери.

Уходя, я слышал, как за спиной Шмель раздает ребятам короткие указания, и тихо радовался, что все так удачно сложилось. Опять не подвело чутье. А то что бы я без него делал.

Карл привел нас в свой кабинет через портал. Понятно теперь, откуда у Ира такая любовь к этим черным дырам. А то все равно каждый раз становилось как-то не по себе, когда в них ступал.

Мне досталось креслице для посетителей, второе к тому времени уже куда-то подевалось, так что командоры, как и в первый день нашего знакомства, остались стоять. Барсик у окна, а Мурка уже привычно – у стены. Конечно, за окном ярко светило солнце, что было не очень приятно для чувствительных глаз илитири, так думал и я и, судя по всему, Карл. Но оба удивились, когда Мурзяс вдруг материализовал в руке солнечные очки, которые мы

вместе покупали в моем мире, и, водрузив быстро потемневшие стекла себе на нос, подошел к светлomu. Да, это было красиво.

Я поймал на себе задумчивый взгляд Карла и только виновато развел руками, но, думаю, ректор прекрасно понял, что вины за собой я никакой не ощущал.

– А теперь, – сказал он, обращаясь ко мне, – расскажи, что ты задумал с этим своим собранием.

– Если скажу, вы ведь их раньше времени не предупредите? – тут же деловым тоном уточнил я.

Карл хитро прищурился:

– Знаешь, после всего, что увидел, этот твой взгляд, мой друг, настораживает.

– Если не сказать больше, – проворчал с подоконника Барсик.

– Пугает, – сделал последнее уточнение Мурка.

Я закатил глаза к потолку:

– Но вы же меня знаете...

– Вот именно, – снова влез в разговор светлый командор, – слишком хорошо знаем.

Так что, давай, выкладывай все начистоту.

– Ну ладно, – примирительно сказал я и принялся делиться долгоиграющими планами.

В общем, ничего удивительного, что под конец они все дружно меня поддержали. Так что я получил официальное добро со стороны ректора на свое родительское собрание, которое планировал провести сразу же после показательного футбольного матча, совмещенного с матчем-реваншем.

Если честно, я уже и сам не мог дождаться выходных. Так хотелось посмотреть на родителей моих «колокольчиков». Но следовало пережить еще четыре дня. Правда, что-то мне подсказывало, что они пролетят для нас всех как одно мгновение.

В общем, сегодня до окончания уроков у «колокольчиков» и начала тренировки по футболу в наш класс я так и не попал. Так что Ира, можно сказать, целый день не видел. Зато весело провел время с ребятами командос. Когда мы с командорами уже выходили из приемной ректора, нас неожиданно перехватил не кто-нибудь, а Вины в компании двух темных. Оказалось, что наш светлый задира не забыл о своем долге перед Илей. Он ведь обещал ей сладости, так? Так. Вот только и я и Иля, с которой мы это уже обсуждали, пришли к выводу, что светлый – гад неблагодарный – сделал вид, что забыл и конечно же ничего сладкого нам уже не обломится. Оказалось, зря мы так думали.

– Слушай, это же традиция твоего мира! – воскликнул Вины, как только мы отошли чуть дальше по коридору. – Вот и расскажи, как лучше все преподнести.

– А их ты что, для моральной поддержки взял? – поинтересовался я и кивнул на сопровождавших его темных.

– Откуда я знаю, какие сладости можно темным, а какие нельзя. И что вообще им нравится! – бросил на это уязвленный светлый.

Я покосился на криво ухмыляющихся командоров и понимающе обронил:

– Понятно, значит, они тут в качестве консультантов.

– А что в этом такого? – возмущился один из темных.

– Ничего, – хмыкнув, отозвался я, – только фиговые из вас консультанты.

– Почему это? – тут же спросил второй.

– Потому что вряд ли у вас принято делать приятное девушкам.

– Отчего же, – заступился за сородичей Мурка, – до второго совершеннолетия мы только и занимаемся тем, что делаем приятное женщинам.

– Не в том смысле, пошлый ты наш, – пропел на это Барсик и каким-то чудом ухитрился съездить локтем по ребрам ошалевшего от такого тона темного.

Я глупо хихикнул, так как не ожидал поддержки со стороны светлого командора, а потом снова отвлекся на их подчиненных.

– И что ты решил ей преподнести? – поинтересовался у Вини.

– Почему только ей, – делая вид, что не замечает, какими взглядами смотрят друг на друга командоры, пробубнил тот.

– Неужели ты нас всех решил сладостями попотчевать? – тут же оживился я.

– Неужели, – хмуро отозвался Вини.

– О! Ну тогда сам Бог велел тебе помочь.

– Что за бог? – уточнил один из темных.

Ну, что я мог ему на это сказать? Пускаться в теологический диспут совсем не хотелось, поэтому я только рукой махнул и возвестил:

– Ты все равно его не знаешь, – а сам со всевозрастающим интересом посмотрел на Вини. – Ну что, составим меню для сегодняшнего пикника? – У того вытянулось лицо.

– Пик... что?

– Эх, темнота, и чему только вас переводчики учат, – хмыкнул я, схватил парня за локоть и, пока мы все дружно топали к футбольному полю, заливался соловьем на тему того, что такое пикник и с чем его едят.

Эльфы впечатлились. Поэтому для меня не стало неожиданностью, что на мое предложение поддержать Вини и скинуться всем вместе, отреагировали не просто положительно, а, не побоюсь этого слова, воодушевленно. Причем что светлые, что темные. Так что я всучил Барсику свою кредитку и попросил, чтобы он каким-то их магическим способом перевел Вини мой вклад в предстоящий пикник. Светлый командор возился недолго. Как я понял, эти кредитки у них были до безобразия универсальным средством денежного обмена. Но не о них шла речь. За обсуждением меню мы с ребятами провели все оставшееся время до прихода на поле «колокольчиков».

А дальше для меня начался новый виток психологической помощи для всех страждущих. Прежде всего, на этот раз я сидел на грибочках, заменяющих места для болельщиков, в компании Карла и Шмеля. Полуэльф примчался на поле в последний момент, когда команды уже строились и устраивали переключку. Последнее было моей идеей, это я посоветовал Мурке и Барсику для придания большей солидности мероприятию построить всех и пересчитать, можно сказать, по головам. А что, у нас в школьной спортивной секции тренеры всегда так делали. Признаться, я уже не раз наблюдал за всей этой картиной в исполнении эльфов, поэтому не сразу сумел заметить, что ректор, да и Корешель тоже, как-то подозрительно замерли, уставившись во все глаза на поле. А ведь до построения я уже успел им кое-как объяснить, что такое футбол и как в него играют.

– Э, – протянул, растерянно поглядывая то на одного, то на другого, – вы чего?

– Скажи-ка мне, Андрюша, – пугающе ласково начал Карл, повернувшись ко мне и сжав плечо. Разумеется, я от такого его тона тут же похолодел. Что опять не так? Точнее, что еще я, по его мнению, натворил, а? Ректор продолжил: – Это у меня глаза совсем плохие стали и мне только кажется, что светлых сейчас строит темный командор в компании твоей Или, а темных – светлый, и Алый с ним за одно?

– Ну к «ласточкам» сейчас еще Инга должна присоединиться, а Марфа к «пантерам» подойдет, – по инерции начал объяснять я. Первой пары Дома Рим-Доль пока на поле не наблюдалось.

– Да он не о том спрашивает! – не выдержал Шмель, схватился за голову и уставился на меня со священным ужасом в глазах. – Ты их что, заставил поменяться?

Ну, что я мог на это сказать, когда эти слова прозвучали в таком обвинительном тоне? Конечно, стал оправдываться, с ходу даже не сообразив, что делаю и зачем.

– Они первыми начали! Как узнали, что командоры теперь вместе, стенка на стенку пошли, и вроде как в командорах своих усомнились, вот я и...

Карл с такой силой стиснул мое плечо, что я – не дурак – сообразил, что нужно заткнуться. Да что опять-то не так? По всей видимости, он прочитал этот вопрос на моем лице. Вздыхнул и осторожно разжал пальцы:

– Андрей, ты знаешь, я согласен с Иром: за тобой глаз да глаз нужен.

– Ага, – поддержал Шмель. – Все тридцать два часа в сутки.

– А у вас в сутках тридцать два часа? – вырвалось у меня удивленное.

Ректор и полуэльф растерянно переглянулись. По-своему истолковав их взгляды, я поспешил сказать:

– Не думайте, что я такой неуч. А то Ир меня в последний раз застыдил... так что я теперь все с азав учу. И что это за княжество, и вообще, всю карту мира...

– Вовремя, однако, – хмыкнув и отвернувшись к полю, бросил Шмель.

Ректор помолчал, потом сказал:

– Я мог бы сразу вписать все необходимые знания в твой переводчик, странно, что Ир этого не сделал. Ведь я правильно понял, он тебя просто на словах учит?

Разумеется, Карл не ошибся, но я не успел ему об этом сказать.

– Мне просто нравится самому его учить, – слышалось из-за спины, и я резко повернулся к подкрававшемуся незаметно Ириргану.

– Так и знал, что где-то подвох, – проворчал недовольно. А что еще мне оставалось?

– И каковы успехи? – поинтересовался у своего секретаря ректор.

– Просто отлично, – объявил непривычно улыбчивый Ир, – я нашел способ подзарядить их без электричества, – и, посмотрев на меня, добавил: – Так что командорам и всем остальным больше не придется по нескольку раз на дню таскать ноутбуки в твой класс для подзарядки.

– Серьезно? – не поверил я своему счастью.

– Абсолютно, – важно кивнул Ир.

И тут справа от меня раздался изумленный вздох Шмеля.

– Вы только гляньте!

Разумеется, мы все тут же посмотрели на поле. А! Вот, оказывается, в чем дело.

К своим командам спешили Марфа и Инга, пропустившие построение. Причем на леди Рим-Доль, впрочем, как и на ее парне, уже была форма. И когда Алый что-то сказал Инге и та беспрекословно опустилась на траву и начала вместе со всеми разминаться, изумленно выдохнул уже не полуэльф, а ректор.

– Ну как вам результат? – уточнил Ир таким тоном, словно все происходящее было исключительно его заслугой.

Я покосился на приятеля, встретился с ним глазами и понял, что возникать бесполезно. Уж больно у мерцающего было приподнятое настроение. А потом этот козливый взял и уселся не на гриб, а на траву, аккуратно у моих ног. Эх! Был бы наш Ир настоящей девчонкой... но лучше друга не найти. Поэтому глупо сокрушаться. Так что я на все это только вздохнул, засунул руки в карманы брюк и снова переключился на поле. Но насладиться разминкой и последующей игрой обеих команд мне не дали. К нам с нижних грибковых ярусов неожиданно поднялись Ника и Лия. Правда, до того как они подошли, Шмель успел спросить:

– Неужели они друг друга не поубивают?

– Кто? – растерялся я.

– Владычицы.

– А с чего? Иля – капитан, Инга – рядовой член команды. Она сама вызвалась, даже зная, что капитан у них Алый. Сам посмотри, желтую повязку у него на предплечье видишь?

– Угу.

– Ну так это капитанский знак.

– И что же, ты действительно думаешь, что она не станет оспаривать его лидерские позиции? – заинтересовался ректор.

– Это, знаешь ли, уже не мои проблемы, – немного холодно ответил ему, – и вообще, я им сразу после первого матча – в котором, кстати, выиграли светлые – предлагал капитанами и тренерами поменяться, а они ни в какую! Вот пусть теперь тренеры и капитаны сами разбираются со своими подчиненными. Скажешь, я неправ?

– Так, говоришь, не захотели меняться... – задумчиво обронил Карл, и в этот момент к нам подошли девочки.

– Андрей, – замаявшись, обратилась ко мне Ира, опустила глаза на мерцающего и снова подняла на меня, – могла бы я тоже поучаствовать в игре? Знаю, что в этом мерцании я должна быть более сдержанной и вообще другой, но...

– У тебя не получается, – пришлось закончить мне и, слабо улыбнувшись, сказать: – Я заметил. Если честно, думал, что ваши мерцания могут и вовсе не отражать вас самих, а оказалось...

– И правильно думал, – вмешался Ир, запрокинул голову и посмотрел на меня. Я вопрошительно глянул в ответ. Мерцающий пояснил: – Это в моих мерцаниях может почти не быть меня самого, так как я старше и опытнее ее. Намного опытнее, – зачем-то уточнил он с нажимом.

– И намного старше, – с подколом протянул я.

Он тут же просек в моем тоне подвох.

– Ну если сравнивать с твоим нежным возрастом, то конечно, – не остался в долгу мерцающий.

И тут хрипло, почти испуганно, выдохнул Корешель:

– Мерцании?

До нас всех дошло, что ему-то мы как раз о мерцающих и забыли сказать.

– Да, Шель, я мерцающий, она тоже, – с миленькой такой улыбочкой проинформировал полуэльфа Ир.

Тот моргнул, очнулся и тут же уточнил, сделав вид, что все так и должно быть:

– А почему Шель?

– А что, разве Андрей тебе еще не дал прозвище? – искренне удивился Ирирган и снова запрокинул голову, чтобы посмотреть на меня.

– Дал, – подтвердил я. – Только не Шель.

– Да? А ведь было бы так логично... – протянул мерцающий.

– Я теперь Шмель, – почему-то с гордостью заявил полуэльф и обратился к Ире: – Скажи, ты поэтому на гневотерапии в сторонке сидишь, хотя могла бы сражаться с ребятами?

Надо же, а я об этом как-то не подумал. Да, этот полуэльф явно наш человек!

– Да, – кивнула Ира, смутившись, – я могу постоять за себя, просто мерцанием Ириргавируса это не предусматривалось, вот и вынуждена следовать ему.

– Я думаю, не будет ничего плохого, если ты начнешь заниматься со всеми, – заметил Карл, – но не играть в футбол, – тут же добавил он. – Ты ведь должна понимать, что футбол подразумевает выход на поле в родительский день. Если на поле увидят светлую эльфийку, сразу возникнут вопросы, кто ты, из какой семьи и прочее.

– Не согласен, – вмешался я, увидев, как сильно погрузнели глаза юной мерцающей. – Она не выйдет на поле в родительский день, но в будни-то чисто в тренировочных матчах участвовать может. Что скажешь? – спросил у Иры и был слегка удивлен, когда та просияла и, несколько не смущаясь, перегнулась ко мне через Ириргана и чмокнула в щеку.

Честно скажу, глаз Ира я в тот момент не видел, но успел заметить, как лукаво посмотрела на него Ника, а потом в мгновение ока ретировалась и побежала вниз, на поле. У мер-

цающего были какие-то свои представления о том, какая девушка мне подошла бы. Я как-то еще в самом начале нашей дружбы пытался объяснить ему, что не потерплю подобного отношения. И гипотетическую возлюбленную могу сам себе найти, если пойму, что оно мне нужно. Но к единому мнению в этом вопросе мы так и не пришли. А Ника в качестве моей возможной пассии ему явно не нравилась. Чего он не прекращал показывать. Девушка это усекла и теперь интриговала и насмеялась. Любят же эти мерцающие поиграть на чужих нервах!

Я поднял глаза на Лию, все еще стоявшую рядом с нами.

– Ты для моральной поддержки с ней пришла? – полюбопытствовал весело.

– Да, – улыбнулась Вейла.

– И как там у тебя разговор с папочкой прошел, а то все никак спросить не получается?

– Все хорошо, – так же очаровательно улыбаясь, поделилась со мной эльфийка, – правда, он больше не со мной разговаривал, а с Каром. Но кажется, они нашли общий язык.

– Это радует, – ответил я.

– Только ты готовься, – вдруг предупредила меня Лия, – он ведь снова разговор об этом поднимет, когда придет на родительский день. И наверное, не только с тобой...

– Не бойсь, – заверил я, – прорвемся. Вот только Илей вооружусь в качестве моральной поддержки.

Светлая быстро кивнула и тоже побежала обратно вниз, где ее ждал Кар, уже и без того ревниво на нас поглядывавший. Ну по крайней мере, мне казалось, что ревниво.

– Андрей, знаешь, – начал Ир, но его перебил ректор.

– Думаю, надо будет основательно подготовиться к тому, что после тебя все их родители нагрянут ко мне.

– Да уж... – протянул Корешель, во все глаза смотревший на поле.

Эльфы закончили разминку и теперь увлеченно гоняли мяч. И тут с нижних рядов раздался визг дуделки, которую я презентовал Умке. У Шмеля тут же загорелись глаза.

– Я тоже такую хочу! – объявил полуэльф, повернувшись ко мне.

Я даже рот открыть не успел, как Ир оживился.

– Будет, – пообещал он. – Мы к матчу побольше их закупим.

– Эй! – возмутился я, но облечь свое возмущение во внятные слова не успел.

– А что, – обернувшись ко мне и подчеркнуто невинно захлопав глазами, сказал Ирирган, – на этом можно хоть немножко, да заработать. Скажешь, для дальнейшей модернизации нашего класса деньги не нужны?

– Ну ты еще предложи на наш любительский футбольный матч билеты продавать! – возмущенно воскликнул я, но быстро смекнул, что вообще зря завел об этом разговор. Потому что Ир переглянулся с Карлом.

– А что, – сказал ректор задумчиво, – если университет получит свой процент...

– Сорок, – тут же объявил Ир.

– Шестьдесят, – мягко поправил его Карл.

– Эй-эй, – воскликнул я, – да с чего вы вообще взяли, что кто-нибудь придет?

– С того, – заявил мерцающий, – что ты сам изъявил желание провести, как ты выразился, обширную пиар-компанию.

– К тому же, – задумчиво обронил ректор, – сам факт того, что мероприятие не бесплатное, подогреет к нему интерес. К тому же никто ведь и не говорит, что за билеты нужно брать баснословную цену.

– А что, – подал голос Шмель, – я бы заплатил... – и, подумав, добавил: – И за дуделку тоже.

– Ладно. Сдаюсь, – поднял руки вверх. – Если вы оба «за», то кто я такой, чтобы быть «против»?

– И это правильно, – самодовольно хмыкнул Ир и снова отвернулся к полю, опершись спиной на мои ноги.

А после тренировки я в компании командоров, Вини и тех двух темных, которых тот взял себе в качестве консультантов, на практике показывал неучам-эльфам, что такое пикник. На футбольном поле мы просидели до позднего вечера, поглощая изысканные сладости и запивая все каким-то просто сногсшибательным клубничным вином, раздобытым лично Барсиком. Оказывается, мы все так хорошо скинулись, что даже на эту вкуснотищу хватило. Иля, покрасневшая и ставшая неожиданно женственной, была просто очаровательна. Она весь вечер принимала комплименты как от темных, так и от светлых и откровенно этим наслаждалась. А вот Инга не видела никого, кроме своего нареченного. Впрочем, тот отвечал ей взаимностью. Алый, выпив и слегка захмелев, так и норовил пристать к Машке с неприличными вопросами. Например, как можно быть таким распушенным и в то же время таким ми-и-и-илым... Что ему на это отвечал наш ушастый мальчик, я, честно, не знал, но, судя по тому, как многообещающе он при этом ухмылялся, светлому Машка все его вопросы еще должен был припомнить. Гарри и Улька весь вечер сидели в обнимку, Кар и Лия танцевали прямо на поле под музыку, которую слышали только они. Ир внаглую положил голову на мои колени и так пролежал весь вечер. Как ни странно, я был совершенно не против. Карл смотрел на всех нас с отеческой благосклонностью. Шмель до хрипоты спорил о чем-то с Умкой и Каром, а потом и с присоединившимся чуть позже Барсиком. Мурка сидел рядом с красногривым командором и уже привычно помалкивал. А когда совсем стемнело, Фа какой-то особой ифритской магией запустил в небо несколько огненных фейерверков, заявив, что такое смог бы сделать любой мало-мальски сильный огненный маг. Но до чего оно все красиво смотрелось! Особенно вспыхнувший прямо в небе контур исполинского дракона. У нас всех просто челюсти отвисли, когда мы это увидели. Все-таки как здорово, что в этот вечер мы тут собрались.

Глава четвертая Проснись и в бой

Андрей

Слухи в таких организациях, как наш университет, подобны пожару или урагану, который с каждым новым витком воздушной воронки закручивается все сильнее. Я всегда знал об этом, но уже на следующее утро после нашего с ребятами пикника имел возможность убедиться воочию. Во-первых, во время классного часа к нам все время кто-то заглядывал, неизменно извинялся и бормотал о том, что якобы ошибся дверью. Почему я не верил таким невинным оправданиям? Да, что-то все прошлые недели моего пребывания в этих краях никто не ошибался. Во-вторых, кому за это нужно было сказать спасибо, выяснилось уже после пары, когда к нам заглянули довольные собой и жизнью Умка и Корешель. Полуэльф прямо с порога оживленно спросил, не заходил ли к нам кто-нибудь. Намек был более чем прозрачным, не так ли? В общем, мне только и осталось, что закатить глаза к потолку и покопаться на хитрющую физиономию Ира, облюбовавшего мое место за учительским столом, я же все так же предпочитал громоздиться поверх столешницы. Но не о том речь.

После такой демонстрации бурной деятельности по пиар-кампании нашего футбольного матча «колокольчики», которых поджучивал Шмель, втихаря устроили соревнование – кто завербует больше народа и кто отпустит более интригующий намек. Но об этом я догадался позже. Точнее, догадался слишком поздно, а потому и не смог остановить сорвавшуюся по их вине лавину.

Только осведомленностью если не всего, то большей части университета о том, что я с моими студентами занимаюсь всякими непотребствами, можно объяснить такой факт. После занятий, когда мои ребята, как обычно, пропадали в зале для гневотерапии (на этот раз мы решили провести презентацию Умкиного проекта), к нам снова заявила блистательная Микалая Эльфир Земная – декан факультета, на котором учился наш многоуважаемый гном. Почему я говорю блистательная? Она в и прошлый свой визит была хороша, но известием о так называемом притеснении Умки ее явно оторвали от грядки или чего-то очень похожего. Поэтому, несмотря на всю свою изящную красоту, эльфийка заявила к нам в рабочем фартуке, узких брюках и длинной рубаше свободного покроя. И все равно у всех сложилось такое впечатление, что в класс она словно вплыла.

На этот раз декан была облачена в платье. Легкое, светло-голубое, идеально оттеняющее ее серые миндалевидные глаза. В общем, не только у меня в тот момент в зобу дыханье сперло. Бедняга Шмель, с которым мы активно обсуждали возможность попасть в мой мир и посмотреть на другие наши спортивные и околоспортивные игры, вытаращил на эльфийку просто огромные глаза. Казалось, что он многого мог ожидать, но никак не ее добровольного явления в наш маленький, но очень уютный вертеп.

Сама она свой приход мотивировала тем, что Умка не просто ученик ее факультета, но к тому же (о чем, честно признаюсь, понятия не имел) именно она является руководителем его диплома. Разумеется, я тут же схватил гнома за локоть, оттащил от Ира, с которым они, как выразился мерцающий, настраивали адаптированную под магические воздействия аппаратуру, и полупшепотом уточнил, он ли ее пригласил. Умка покосился на эльфийку, которая с независимым видом стояла возле учительского стола. Потом поднял на меня глаза и смущенно пробормотал, что нет, не он, но, если это возможно, он бы хотел, чтобы я все же разрешил ей присутствовать. Разрешил? – мгновенно возмущился я и тут же принялся уточнять, как он себе это представляет: рядовой психолог вроде меня может запретить что-либо декану? В общем, Мика, как я втихаря прозвал ее, осталась.

Ей выделили одно из кресел, которые теперь все время стояли у стены и при необходимости выдвигались в центр класса. Фарид, заглянувший к нам в перерыве, завидев ее, споткнулся на пороге, подчеркнуто учтиво извинился, заволновавшись под пристальным взглядом серых глаз, и снова куда-то умчался, так и не сказав, зачем приходил. Зато стало понятно, за чем, точнее, за кем он с такой скоростью унесся.

В общем, Умкину презентацию мы смотрели в компании ректора. К тому времени я просто-напросто сказал себе, что сегодня сумасшедший день и сделать с этим уже ничего нельзя, поэтому расслабился и, как говорится, решил получать удовольствие. «Колокольчики» в присутствии высокопоставленных взрослых вели себя смиренно. Умка и Ир настроили проектор так, что он мог работать без электричества, но при этом шнур с «вилкой» плыл прямо по воздуху, как причудливое щупальце, и, как потом мне объяснил Ир, высасывал энергию прямо из окружающей среды. Этой самой энергии в университете магии всегда было хоть залейся, ее даже приходилось время от времени особым способом откачивать и складировать или по мере надобности продавать. Так что такая своеобразная модификация нашего земного устройства оказалась во всех смыслах удобной штукой.

Так вот о «колокольчиках». Все было хорошо. Умка встал возле белого экрана с проецируемым на нем схематическим изображением нашего класса, поднял указку, но и слова не успел сказать, как дверь распахнулась – и в аудиторию, в первый момент не видя ни ректора, ни декана, ни нахмурившихся командоров, ввалились Филька, Бобси и Вيني. В общем, эльфы рвались в свободное от дежурства время посмотреть на еще вчера заявленное представление. Вот только, прежде чем сказать нам об этом, они устроили шуточную потасовку прямо в дверях, причем Бобси и Вيني внаглую зажали Фильку и попытались его на правах старших слегка потрепать, причем достаточно невинно и беззлобно, чтобы Маркиза, пришедшая вместе с ними и Бандитом, вольготно развалившимся у нее на спине, молча прошествовала мимо ржущих, как заправские кони, эльфов и села у моих ног, дав рыжему мордороту соскочить с себя и перебраться на колени к Барсику.

Стоит ли говорить, какое лицо было у Мики, когда она увидела весь этот беспредел? Я уже молчу про то, как вытянулись мордочки у эльфов, когда они заметили ее и встретились со снисходительным взглядом ректора. Тот посмотрел на Мику и участливо похлопал ее по руке, произнеся нежную, почти отеческую фразу: «Ну что вы, дорогая, не нужно волноваться. Ребятки так просто дружат...» О как она в этот момент на него посмотрела!

В общем, пришлось вмешаться мне и громко потребовать, чтобы ребята вели себя прилично. Правда, я тут же добавил, что прошу их об этом, так как не хочу лишний раз травмировать нежную психику нашей светлой гостьи, причем в этот момент я назвал ее Микой. Так что про Умку с его проектом благополучно забыли, поскольку последующие минут сорок мы были заняты знакомством с деканом факультета классической магии. В чем это выражалось? К примеру, всем пришлось представиться, словно она не была ни с кем из нас знакома раньше, ведь называли теперь не имена, а прозвища, которыми я всех наградил.

Потом Барсик с видом отца семейства представил Мике своего Бандита, причем за сим представлением, во время которого эльф держал своего рыжего котика на руках, ревностно следила Маркиза. То, что кошка дроу вела себя так благовоспитанно, да к тому же присутствующие ее не только не опасались, но и регулярно пытались потискать, хотя бы провести раскрытой ладонью по спине, а Маркиза совершенно не возражала, поразило эльфику не меньше, чем потасовка двух темных и светлого, с которой все началось.

А потом тихоня Фа еще и вытащил из кошачьего домика мирно посапывающих, сонных и теплых после сна котят. В общем, обсуждение кошачьих премудростей и прелестей затянулось еще минут на тридцать, так что Умка рискнул привлечь к себе наше внимание только через час с небольшим после начала всей этой «котовасии».

Про сам проект мелиорации рассказать особо нечего. Умка уж больно затянул вводную часть, объясняя, каким образом то или иное деревцо или цветочек получают возможность вырасти прямо тут, в помещении. Мне быстро стало скучно, и я отключился, а в качестве развлечения принялся втайне рассматривать собравшихся. Больше всего меня умилял Альф, который время от времени косился на Машку, но тот, словно чувствовал это, каждый раз встречался с приятелем взглядом, отчего светлый тут же отворачивался и искусно делал вид, что вообще не при деле. Похоже, вчера вечером, после пикника, эти двое снова что-то не поделили. И светлый теперь чувствовал себя виноватым. Ну-ну. Насколько знаю Машку, темный еще долго будет его изводить. Чтобы впредь неповадно было! Да, парочка из них получилась еще та.

Но потом Умка все же добрался до самого главного и показал нам на экране, которым, сидя за ноутбуком, управлял Ир, конечный проект. То есть показал, как наш класс станет выглядеть после изменений. У меня вырвался изумленный вздох. Было от чего. На картинке комната, в которой мы находились, была как минимум в три раза больше. Я, конечно, ни разу не мелиоратор, но по незаконченному высшему образованию технарь, поэтому в чертежах все же худо-бедно понимаю. Разумеется, я тут же поспешил высказаться на этот счет. На что объяснения мне стал давать не кто-нибудь, а сам ректор.

Оказывается, один из моих предшественников затребовал класс поменьше, утверждая, что слишком большие помещения не располагают к приватному общению и давят на его пациентов. Поэтому специально для него пространство класса слегка ужали, и вот теперь, когда стало ясно, что у меня тут не только «колокольчики» регулярно проводят свободное от уроков время, но и командос подвизаются, а, возможно, в скором времени еще кто подтянется, пришло время вернуть классу первоначальные размеры. А что, я был только «за». Тем более что Умкин проект мне и правда понравился. В нем были и деревья, и зеленая лужайка, к тому же оставалось место для такого уголка, где все так же лежали ковры, на которых с удовольствием валялись наши киски. Так что мне ли было возмущаться?

В общем, с Микой, которая тоже одобрила Умкин проект, мы расстались по-приятельски. Уходя, она глянула на Шмеля, который (мне, конечно, могло показаться, но все же) совсем немного смутился, и заявила, что с удовольствием посетила бы мероприятие нашего класса на предстоящем родительском дне. При этом выжидающе посмотрела на полуэльфа. Тот растерялся. Зато я нет, быстро сообразил, кто так удачно намекнул эльфийке на то, что у нас презентация намечается. И вообще, что бы они без меня делали? Нескромно, и все же доля истины в этом заявлении имелаась. По крайней мере данным эпизодом моей практики я гордился. Потому что стоял рядом с Шмелем и, легко ткнув того локтем в бок, громким шепотом уточнил, чего он тянет, кого ждет, если девушка хочет, чтобы ее на футбол пригласили. Может быть, и не следовало так прямо называть вещи своими именами, зато опешившая от подобного заявления Мика была настолько растеряна, что, когда полуэльф неожиданно склонился перед ней в изящном поклоне и выдал из себя что-то вроде: «Не соблаговолите ли вы...» – ей ничего не осталось, как протянуть ему руку для поцелуя и согласиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.